

МАРИЯ САКРЫТИНА

СЛУШАЮ
И ПОВИНУЮСЬ

Руны любви

Мария Сакрытина
Слушаю и повинуюсь

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сакрытина М. Н.

Слушаю и повинуюсь / М. Н. Сакрытина — «АСТ»,
2016 — (Руны любви)

ISBN 978-5-17-098157-1

Говорят, какой-то чудаки однажды освободил джинна. Для Амани – птицы-удачи – это не более чем сказка. «Слушаюсь и повинуюсь» – все, что хотят услышать люди. Амани исполняет их желания – сколько угодно и без ограничений. И пусть сама она могущественней любого джинна, свобода для нее – несбыточная мечта. Какой глупец откажется от удачи? И даже встретив такого глупца – мечтателя и неудачника Амина, – она не верит ни в его доброту, ни в бескорыстие и уж тем более в любовь. Но пряха-судьба уже сплела их нити, и птице-удаче еще предстоит понять, что настоящая любовь дарит не оковы, а крылья. И что в небе на самом деле очень одиноко парить одной – пусть и свободной.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-098157-1

© Сакрытина М. Н., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Вечер	6
Ночь первая	9
Ночь вторая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Мария Сакрытина

Слушаю и повинуюсь

© М. Сакрытина, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Вечер

Я Амани-хумай, птица-удача. Моя суть – свобода и моя судьба – исполнение желаний.

* * *

В зеркале отражалась человеческая девушка: кожа благородного цвета слоновой кости, темные чарующие глаза, высокие скулы, правильной формы нос, манящие губы... Черная свободная рубашка до колен, длинные широкие рукава, золотая вышивка и капельки рубинов – галабея была прекрасна, как и девушка, на которой она была надета. По-человечески прекрасна.

Я пожелала не видеть, и красавица в зеркале взмахнула пушистыми ресницами, закрывая глаза.

О, Аллат!..

– Что ты наделал, колдун? – прошептала я. А хотелось кричать – так, чтобы весь мир содрогнулся от моего плача. – Что ты со мной сделал?!

В зеркале появилось еще одно отражение: высокого, намного выше девушки, мужчины. Короткие темные завитки волос красиво падали на лоб, гармонировали с золотистой кожей. Раньше мне понравились бы такие волосы и такая кожа – цвета оливок с восточного побережья. А еще эти жгучие, хищные глаза.

Сейчас же девушка в зеркале сморщила носик от отвращения.

– Ну что же ты, Амани? – протянул мужчина низким, бархатным голосом. Точно крадущийся в низовьях Джуманы, что за Великим морем, леопард. – Неужели тебе не нравится твое тело? Ты прекрасна, моя хумай!

– Я не твоя! – Как же меня раздражал этот мелодичный, совершенно не мой голос!

– Ну почему же? – улыбнулся мужчина. Холеные пальцы колдуна пробежались по темным, почти черным волосам красавицы в зеркале, подцепили прядь. – Ты моя. Вся.

Лицо отражения исказилось.

– Не смей! – проскрипела я, пытаюсь вернуть родной голос, а не эти певучие, человеческие оттенки. – Отпусти меня!

Пальцы с волос перебрались на шею, щеки. Девушка в зеркале замерла, дрожа. Во взгляде появилась мольба, и лишь глубоко, далеко за ней – откуда смотрела настоящая я – горела ярость.

– Ну уж нет, хумай, – рассмеялся мужчина, лаская нежную кожу красавицы, и я ярко чувствовала его прикосновения – они обжигали. Сквозь ярость и мольбу пробилось удивление: обычно обжигают я. – Мне совсем не нравится, что ты исполняешь чужие желания. Я хочу, чтобы ты слушала только меня.

– Это желание я не могу исполнить.

– Можешь, – шепнул мне на ухо мужчина. – Можешь, Амани. Гляди, – он мягко повернул меня за подбородок, заставляя смотреть в сторону окна. – Скоро солнце сядет. Ночью, когда твое превращение завершится, я овладею твоим новым телом. И тогда ты, хумай, будешь петь только для меня.

У девушки в зеркале задрожали губы.

– Нет! – севшим, совсем не моим – человеческим – голосом простонала я. – Нет...

Мужчина улыбнулся, убирая руки. Отступил к двери.

– Да, – и добавил, тягуче, бархатно: – Увидимся ночью, моя хумай.

В повисшей тишине стук засова прозвучал громом, и я содрогнулась.

В темных глазах отражения сгустками пламени горело отчаяние.

* * *

– О, сайеда, что вы делаете?!

Не выпуская из рук острый осколок, я обернулась.

Ифрит в облике девушки-служанки подбежала ко мне, лепеча:

– Сайеда, вы поранились!

Я пожала плечами – человеческое тело слушалось, будто я всегда его носила. И боль я чувствовала, точно человек. Раненый палец жгло, когда ифрит приложила к нему остро пахнущую лекарством повязку.

– Зачем же так, сайеда? Вы еще не привыкли к боли...

– Пусть. У меня будет сотня лет, чтобы к ней привыкнуть. Сотня лет, пока Вадд не заберет этого ничтожного смертного в свое царство теней. – Мой голос дрожал от злости.

Ифрит подняла голову, и я осеклась. На обнаженной золотистой груди служанки горела печать подчинения.

– Ваша клетка быстро разрушится, сайеда, – тихо отозвалась ифрит. – Человеческие тела так... смертны.

Я покосилась на ее печать и промолчала. Что какая-то жалкая сотня лет против ее тысячелетия?

Ифрит молча поклонилась и принялась убирать осколки зеркала.

– Я могла бы освободить тебя. – Мой голос журчал непривычно, но слова давались легко. – Пока я человек, – ифрит выронила осколки, обернулась, – но колдун не даст мне это сделать... Отсюда можно сбежать?

Загоревшаяся в глазах служанки надежда погасла.

– Нет, сайеда.

– Неужели? Никаких потайных ходов, ничего? Люди же это любят.

Ифрит покачала головой. И грустно произнесла, указывая на окно.

– Гули.

– Гули? – изумилась я. – Какие-то гули помешают ифриту?..

– Посмотрите сами, сайеда, – перебила девушка, возвращаясь к уборке.

Теряясь в догадках, я подошла к окну. Что же там за гули... О, Иблис!

– Видите, сайеда, – девушка-ифрит поддержала меня, когда я пошатнулась, и тоже грустно глянула вниз. – Когтями они рвут нашу сущность, а волшебный ошейник развоплощает навсегда.

Я молча кивнула. Да, то, что гуляло внизу, с трудом можно было назвать гулями. Тело полуженщины-полукошки, лоснящаяся гладкая шерсть, громадные саблевидные клыки...

Одна из тварей, заметив мой взгляд, подняла голову и, зарывав, прыгнула на стену башни. Я отшатнулась.

– Не бойтесь, сайеда, – улыбнулась ифрит. – Здесь вы в безопасности. Но не советую выходить во двор.

– А вы... тоже не выходите? – пытаюсь унять стучащее сердце, выдохнула я.

Грустная улыбка исчезла. Ифрит опустила голову.

– Дворец большой, сайеда. А к воротам подойти может только сайед.

Я тихо выругалась. Ифрит робко коснулась моего плеча и тут же убрала руку.

– Крепитесь, сайеда.

Да. Всего-то сотня лет рабства у какого-то чернокнижника.

– Отсюда нельзя бежать, – тихо произнесла напоследок ифрит. – Никак. Пожалуйста, сайеда, не пытайтесь.

Я сжала кулаки и глубоко вдохнула.
Нельзя, да?

* * *

Солнце алело в сиреневых душных сумерках. Я представляла, как хохочет Аллат, кутаясь в свою расшитую золотом накидку, и ждала, когда месяц-Вадд понесется по черно-синей дороге неба, подстегивая серебряных быков, прогонит сестру и избавит меня от этого унижения.

Я не могла сбежать, оставаясь человеком. Я не могла сбежать, оставаясь хумай, потому что колдун связал меня. Но цепь между телом и духом все еще оставалась зыбкой.

Шагов я не слышала. Зато стук засова заставил вздрогнуть.

– Ну вот и ночь, Аmani, – улыбнулся колдун, жадно разглядывая меня.

Ненавижу... Я потянула абайю, оголяя плечо. И, вспоминая, как это делают человеческие женщины, томно пропела:

– Это правда – то, что ты говорил? Я действительно красива?

Во взгляде колдуна полыхнуло оно – желание... Ликуя про себя, я закончила:

– И тебе действительно нравится это тело? Ты хочешь, чтобы оно было твоим?

Я терпела его прикосновения и поцелуи, пока не услышала долгожданное:

– Да...

Я Аmani-хумай. Моя суть – свобода и моя судьба – исполнение желаний.

Я улыбнулась, заглянув ему в глаза.

– Ну тогда получай его.

Теряя сознание, я еще успела поймать в глазах человека отражение недоверия, удивления, ярости. Но мой дух отлетел достаточно далеко, и я не слышала новое желание. На руках колдуна осталось только тело прекрасной человеческой девушки. И тоненькая цепочка-связь между ней и духом.

Но этого было достаточно, чтобы пленить меня снова.

Ночь первая

Черный конь для шехзаде

День в Бахре, столице великой империи Гази, начинался рано.

Только-только солнце-Аллат показывалось из-за горизонта, рассыпав по небу сверкающие волосы-лучи, как узенькие улицы наполнялись жизнью. Люди муравьями торопились по утренней прохладе сделать большую часть работы за день, чтобы отдыхать в жаркое полуденное время. Стучали ставнями лавок ремесленники, позванивали колокольчиками водоносы, приветственно распахивали двери хамамы, стучали в гонг жрецы Аллат, отмеряя время. Медленно, величаво ступали по пыльным улицам караваны верблюдов. Они направлялись в порт, а оттуда по самой широкой улице в городе – в хану, главный рынок Бахры.

Здесь, в крытых павильонах, царил полумрак, прорезаемый сотнями солнечных лучей из маленьких круглых отверстий купола. И шум – стук отворяемых ставней-прилавок, шорох шагов по цветной плитке пола, гулкие голоса пустынников-бедуинов и визгливо-звонкие – жителей побережья. Запахи пряностей, манящие ароматы сладостей и тонкая, но стойкая струйка пачули и амбры витали в воздухе.

Жизнь бурлила, стоило солнцу показаться на небе, и затихала, только когда Аллат исчезала за горизонтом, отправляясь на ночной покой.

Но до заката пока было еще далеко.

– Ай, сайеди, рот не разевай, пряности-сладости покупай! – по обычаю звонко, перекрывая шум рынка, зазывал Фарах. – Давай, голубей не считай, покупай, вай-вай-вай!

Амин сгрузил на пол десятый по счету мешок молотой корицы и уселся под прилавком, переводя дух.

– Ай, сайеди! – воскликнул Фарах, подаваясь навстречу заинтересовавшемуся товаром кочевнику. – Ай, хорошая пахлава, свежая!

Бедуин, чей народ издревле славился ненавистью к сладкому, только усмехнулся.

– Куда мне ее?

– Ну... верблюда накормишь! – нашелся Фарах, сверкая улыбкой.

Кочевник, махнув рукой, отошел от прилавка.

– Не идет сегодня торговля, да простит меня Манат, – тихо пожаловался Фарах, давая отдых уставшему горлу.

Амин пожал плечами и молча поднялся. Во дворе ждали еще шесть мешков пряностей и требующие за них денег караванщики-бедуины. Денег у Амина не было, а хозяин лавочки, торговец, сайед Ясар, никому кошелек не доверявший, как обычно опаздывал.

Когда Амин снова вернулся, Фарах ругался с караванщиком – из Аиши или Шакиры, судя по выговору.

– По-твоему, это лукум?! – возмущался караванщик, тыча в мягкий белый комочек узловатым пальцем. – Ты посмотри! Да ты его потрогай! Он уже сгнил давно! И за это – двадцать драхм?!

– Пятьдесят, – степенно поправил Фарах. – За прекрасный шакер-лукум, достойный самого султана, да будут дни его вечны...

Амин улыбнулся, стирая пот со лба. Достойный султан не стал бы на такое лакомство даже смотреть.

Караванщик снова ткнул в лукум пальцем и поморщился.

– Двадцать пять – и это мое последнее слово.

Фарах открыл было рот – возмутиться, но тут по павильону пронесся звон гонга, и громкий чистый голос евнуха возвестил:

– Великолепный, одаренный милостью Манат и улыбкой Аллат, Сиятельный шехзаде Шакир изволит пройти здесь!

Амин торопливо упал ниц, упираясь лбом в пол – пусть его и не было видно из-за прилавка. Рядом бухнулся Фарах, к нему присоединился караванщик – как и все посетители рынка пали ниц, приветствуя сиятельного царевича.

В наступившей тишине шелестели одежды евнухов, позвякивали драгоценные браслеты на холеных руках Шакира, стучали «пятками» копий стражи, приветствуя благословенного.

Амину не нужно было подсматривать, чтобы знать – красивое лицо шехзаде кривится в гримасе презрения. Сиятельному скучно в бесконечных торговых рядах и хочется скорей попасть в сердце рынка – оружейные и ювелирные мастерские, позабавить себя или выбрать подарок для новой фаворитки.

Стража в десятый раз стукнула копьями, и по павильону снова прокатился шорох. Свита шехзаде и сам Сиятельный ушли и вернутся только в полдень – Шакир всегда долго выбирает оружие и перебирает драгоценности. Тщательно осматривает, подробно расспрашивает мастеров, приценивается, словно нет в его распоряжении всей казны султана.

– Чего разлеглись, болваны?! – взвизгнул над прилавком знакомый голос. – Я вам за это плачу?! А ну марш за работу!

Фарах возвел очи горе и выпрямился, напевая:

– Как прикажете, сайед Ясар, как прикажете.

Амин выпрямился и с тоской посмотрел на мешки. Рынок вокруг шумел, возвращаясь к торговле.

Маленький толстенький, но очень голосистый сайед Ясар подкатился к прилавку, подтолкнул Амина к закутанному в хаик, точно почтенная дама – в паранджу, кочевнику.

– Заберешь у него три мешка персиков. И чтобы ни один фрукт не помялся!

Кочевник невозмутимо двинулся к сверкающему солнцем выходу из павильона. Амин, вздыхая, поплелся следом. Ему иногда казалось, что сайед Ясар путает его с ослом. И не только, когда ругается.

Солнце поднялось уже высоко, когда Амин дотащил последний мешок, выслушал от сайеда Ясара весьма нелестное мнение о себе в общем и всей нынешней молодежи в частности, взял пустое блюдо и отправился в дальнюю часть павильона – разделенный на клетки-лавочки склад за пахлавой.

Здесь гул рынка стал тише, зато одурающе, невыносимо пахло пряностями. Прикрыв нос рукавом, Амин привычно стер пот со лба, огляделся... и чуть не выронил блюдо.

Попав в круг света сквозь забранное решеткой окошко у потолка, у открытого мешка со сливами, которые Амин только что так аккуратно переносил со двора («За каждую раздавленную ягоду сам платить будешь!»), сидел мальчишка-побережец лет десяти на вид и с явным удовольствием набивал рот сливами, персиками, лежащей рядом пахлавой, – всем, до чего смог дотянуться. Еще и причмокивал от удовольствия.

– Ты... – выпалил Амин, таращась на воришку. Голос от изумления не слушался. – Ты что...

Мальчишка повернулся, заинтересованно глянул на юношу и нагло запихнул в рот еще пахлавы.

– Ты... ты что тут делаешь? – наконец смог связно спросить Амин.

– Фем, – пробубнил мальчишка. И, сделав титанический глоток, вытер губы рукавом, оставив на когда-то белой ткани жирное пятно. – Ем, – и добавил, указывая на заранее приготовленный Амином лукум: – О, подай-ка мне еще вон той белой мягкой штуковины. Пожалуйста.

Амин дар речи потерял от такой наглости, молча глядя, как мальчик щурится в полумраке склада, шарит рукой, находит сливу и запихивает ее в рот.

– Фуфу хофу! – требовательно заявил воришка с полным ртом, тыкая в лукум. – Хофу! Фай!

– Ты с ума сошел, – тихо произнес Амин. И, подскочив к ребенку, схватил за шиворот. – А ну проваливай отсюда!

Мальчишка вырвался, отскочил подальше, вытер рот рукавом и обиженно протянул:

– Ну тебе что, жалко, что ли?

– Я сказал: пошел вон. Быстро! – громким шепотом прошипел Амин, надвигаясь на ребенка. – Ты знаешь, что с тобой сделают, если поймают?

Мальчик отступал – не забывая набирать полные пригоршни слив и пахлав, – пока не уперся спиной в стену. Остановился и, глядя на Амина наивными чистыми глазами ребенка, выдохнул:

– Нет. А что?

Амин выругался про себя, снова схватил маленького негодника за шкурку, но больше ничего сделать не успел.

– Сколько ты собираешься здесь торчать? – пропыхтел от входа Ясар.

Амин замер. Мальчишка, воспользовавшись паузой, засунул в рот пахлаву и счастливо улыбнулся.

– Я же сказал: одна нога здесь, другая – там. Ах, ты, ленивый шай... – сайед-хозяин запнулся, и Амин, стоя спиной к входу, очень отчетливо вообразил лицо Ясара: брови насуплены, маленькие глазки прищурены, двойной подбородок удивленно подергивается. – Что здесь происходит?!

Мальчик невозмутимо сунул в рот сливу. И тут же ею подавился, когда толстая мягкая, как поднявшееся тесто, рука схватила его за шею, отпихнув Амина.

– Вор, – неверяще пропыхтел торговец, оглядывая мальчика с ног до головы.

Тот в ответ посмотрел на Ясара и метко плюнул косточкой. Сайед вздрогнул и схватился за подбитый глаз.

– А-а-а! Во-о-ор!

Амин очень четко представил, что сейчас произойдет. Если раньше за воровство в Бахре отрубали руку, то с тех пор как сиятельному султану привиделась Манат, потрясающая шнурком-завязкой от кошель, закон ужесточили – теперь преступника, невзирая на возраст, лишали головы.

Шаги стражи уже звучали в переходе между складами, когда Амин, заслонив невозмутимого мальчишку, упал перед Ясаром на колени.

– Сайед, вы неправильно поняли! Прошу вас, не надо. Это... это я его сюда привел!

Торговец брезгливо покосился под ноги.

– Ты?

И бросил удивленный взгляд на ребенка. Мальчишка, разжав наконец руки – персики и сливы покатались по полу, – сосредоточенно смотрел на Амина.

А тот зачастил:

– Да, сайед. Умоляю, не гневайтесь, это мой... э-э-э... сын моей... э-э-э... сестры. Я должен был присмотреть за ним, я не знал, я не думал, что он... Лучше накажите меня, он же еще ребенок...

Стражники остановились в дверях, не торопясь заходить. Ну, наказывает хозяин нерадивого работника, так и что – дело-то житейское.

Ясар лениво махнул пухлой рукой, показывая, что в помощи не нуждается. Амин так и думал: сайед не станет поднимать лишний шум, он быстро просчитает про себя выгоду. И терять рабочие руки из-за горсти персиков и слив не станет. Нет, Ясар возьмет свое иначе.

– Неделю работаешь бесплатно, – бросил торговец, брезгливо отпихивая сжавшегося юношу с дороги. – Или месяц. Я подумаю. И принеси, наконец, пахлаву. Да, и если я увижу хоть еще раз твоего... этого негодника, плахи ему не миновать.

Амин дождался, когда хозяин уйдет, и только тогда со вздохом поднялся. Оглянулся.

Но на складе уже никого не было. Мальчишки, конечно, и след простыл.

Весь оставшийся день Амину не раз приходило на ум сравнение с ослом – прибыл караван из далекой Кусеи, а с ним и торговец, привезший Ясару сладкие земляные орехи. Амин переносил мешки со двора на склад, каждый раз непроизвольно вглядываясь в полумрак клетушки. Но странного мальчика, естественно, не было. Как не было и лукама – на полу сиротливо валялся только один белый комочек.

Потом пришлось носить уже мешки с корнями куркумы – спустя неделю они отправятся в Кусею. А сайед вместе кусейцем сидели в тени, попивали ароматный чай, делились новостями, попутно оговаривая условия сделки. Проходя мимо, Амин то и дело слышал: «Ну какой может быть неурожай, когда у вашего соседа, почтенный Абазади, я слышал, цена в три раза ниже?» или «А вы знаете, почтенный ас-сайед Ясар, какие нынче пошлины установили кочевники? Это же просто разорение, да не прогневится на меня Манат!».

– Снова этот бурдюк тебя развел? – сказал Фарах, когда Амин принес в лавку блюдо с персиками. – Не пойму, почему ты его терпишь? Пригрозил бы, что уйдешь... Да вон, хоть к сайеду Наджаху, он и то меньше скупится.

Амин только грустно улыбнулся и, со вздохом стирая пот со лба, поплелся обратно во двор.

– А я думал, ты сирота, – бросил Фарах ему вслед.

Амин только в очередной раз удивился, как пронырливый бахрец успевает все узнавать. Явно не Ясар про «родственничка» на ушко нашептал. Иной раз Амину казалось, что Фараху благоволят местные джинны – как еще можно быть в курсе абсолютно всего, что творится на рынке?

К вечеру жара стала потихоньку спадать. И, когда уставшее, заалевшее солнце-Аллат потянулось за накидкой-гишуа, и сумерки прозрачным покрывалом наполнили Бахру, Амин передал ключи от склада сайеду Ясару, попрощался с Фарахом, собравшимся с друзьями в чайхану, и устало направился домой на городскую окраину.

Обычно шаги за спиной не привлекали внимание. Праздные прохожие направляются в храм, бани или чайхану – многие бахрцы возвращаются домой только после полуночи. Но эти были странными – легкими, скользящими. До храма Аллат Амин не оглядывался, но потом не выдержал. И удивленно замер.

По пустой улочке за ним спешил воришка со склада. Поймав взгляд Амина, остановился. Простенькое лицо побережца расцветила совершенно плутовская улыбка.

Амин молча смерил его сердитым взглядом, отвернулся и пошел дальше. Мальчишка не отставал. И бежал вприпрыжку, пока Амин не остановился снова.

– Что ты здесь делаешь?

Мальчик насупился.

– Как что? Иду.

– Куда? – уточнил Амин, думая, что еще чуть-чуть – и маленький вор получит за случай на складе сполна.

Мальчик почесал затылок и словно само собой разумеющееся выдал:

– К тебе.

Амин мысленно застонал.

– Откуда ты? Где твои родители? – с трудом сохраняя самообладание, спросил он. – Ты прибыл с караваном или на корабле?

Мальчишка склонил голову набок и снова почесал затылок. Пробурчал, ткнув пальцем в небо:

– Оттуда я. И мне некуда идти. Пусти к себе, а? – и снова широко улыбнулся.

Амин медленно вдохнул. Так же медленно выдохнул, успокаиваясь.

Стая голубей, с шумом хлопая крыльями, взлетела в тающее закатом небо.

– Ну мы идем, да? – дергая себя за ухо, поторопил мальчик.

Амин кивнул.

– Идем, – и, подойдя ближе, добавил: – Давай руку.

Мальчик окинул его странным взглядом, но руку в ответ протянул. Амин совсем не удивился, почувствовав, что пальцы у воришки липкие. На мгновение юноше стало интересно, сколько сладостей этот негодник сегодня успел слопать?

Они повернули в левый проулок, оттуда – в еще один и, наконец, впереди показалась высокая, богато украшенная резьбой по камню башня.

– Не думал, что ты живешь в храме, – удивленно протянул мальчик, разглядывая башню.

Амин молча огляделся, заметил группу младших учеников, гуськом идущих из медресе за учителем. И подтолкнул мальчика к ним.

– Нет. Ты живешь. Уважаемый сайед! Вот, от вас отбился.

Жрец мазнул равнодушным взглядом по Амину и обалдевшему воришке, махнул рукой, и выскочившие словно из ниоткуда младшие служители-рабы живо поставили мальчишку в строй.

Амин, не став дожидаться, когда негодник поднимет шум, поспешил на свою улочку.

...Вадд-месяц выбрался на небо, в храме Аллат отслужили молитву. Амин с усталым вздохом упал на потертый ковер и попытался забыть, что во рту с утра маковой росинки не было... когда над ухом вдруг раздалось:

– Слушай, а я не понял той шутки с храмом.

– Иблис!

– Да нет, я всего лишь.

Амин медленно приподнялся на локтях и неверяще уставился на сидящего рядом мальчика.

– Ты? Как ты... как ты здесь оказался?!

– Вошел, – пожал плечами воришка, кивая на открытую дверь. – Слушай, а у тебя случайно нет тех больших сладких ягод? Ну, темно-синих. Мне они понравились.

Амин, в который раз напомнив себе, что имеет дело с ребенком (хоть и очень странным, и очень наглым), молча встал, схватил негодника за шиворот и поволок к двери.

Мальчик и не думал вырываться. Молчал, даже когда вылетел за порог – только удивленно глядел на Амина через плечо.

– Во имя всех богов! – выдохнул юноша. – Или ты оставляешь меня в покое, или я зову стражу и тебя возвращают к родственникам. Или в храм, если ты сирота. Понял? Тогда пошел вон отсюда!

– Но ты же сказал, что я сын твоей сестры, – обиженно отозвался воришка.

Амин, взявшись за дверную ручку, сердито бросил:

– У меня нет сестры.

И хлопнул дверь перед носом удивленного мальчика.

...В тягучей тишине южной ночи тоскливо завывала соседская собака. Спустя минуту к ней присоединилась еще одна. И еще. Потом чей-то визгливый голос проорал ругательства, и собаки – так же по очереди – замолкли.

Амин ворочался с боку на бок. Глаза слипались от усталости, но пустой желудок все не давал уснуть. Пора бы к голоду и привыкнуть, но пока не получалось.

Амин улегся на спину и, положив руки под голову, уставился в потолок, принявшись изучать давно знакомые трещины.

За дверью тихонько, но очень жалостливо затянули песню кочевников – древний гимн гостеприимству.

Амин изумленно прислушался: какому это певцу-шади вздумалось явиться в их бедный квартал? Да еще такому сладкоголосому. И странно-знакомому. Но, когда голос дошел до припева-речитатива, юноша сразу вспомнил, где его слышал.

Мальчишка мгновенно заткнулся, стоило Амину распахнуть дверь. И, по-прежнему стоя на коленях у порога, грустно вздохнул:

– Ну чего ты такой упрямый, а?

Амин услышал, как застучали ставнями соседи, явно разбуженные песней, и торопливо втащил мальчика в комнату.

– Какого шайтана ты ко мне прицепился?!

Мальчик только устало улыбнулся и, степенно поправив выдавшие виды рукава посеревшей абаи – рубашки до колен – демонстративно растянулся на ковре в центре комнаты. И нарочито спокойно засопел.

Амин тихо застонал. Посмотрел на мастерски притворяющегося спящим ребенка, подумал, что ночью все равно тащить его некуда – в такой час даже жрецы спят – и улегся рядом.

Последнее, что он почувствовал, прежде чем провалиться в долгожданный сон, был мальчик, подползший поближе и уткнувшийся носом ему в бок. Странно, но это почему-то казалось по-домашнему уютным.

Медленно, проделав недолгий путь по дороге-небосклону, месяц-Вадд направил колесницу за горизонт. Ему на смену явилась красавица-Аллат – распустила косу, скинула накидку-гишуу.

Мальчик сладко дрых, умильно положив руку под щеку. Проснувшийся Амин смотрел на него и с трудом преодолевал искушение пнуть негодника.

Искушение стало нестерпимым, когда мальчишка, открыв глаза и потянувшись, сонно поинтересовался:

– А что мы будем завтракать?

– Благодаря тебе, – желчно отозвался Амин, разминая затекшие плечи, – я еще неделю буду росой питаться.

Мальчик забавно склонил голову набок и убежденно произнес:

– Не сможешь, – потом подумал и спросил: – А почему просто не пойти в чайхану, как твой друг? Он же и тебя звал. Там вкусно готовят, я проверял. Особенно в той, где еще фонтан и верблюды рядом.

Амин с трудом отогнал от себя картинку вкусного даже на вид истекающего ароматным жиром хузи или кебаба и раздраженно спросил:

– Я похож на богача?

– Нет, – зевнув, отозвался мальчик. И заметив, что Амин встал и направился к двери, встрепнулся. – Эй, а ты куда? Ты меня одного оставишь? Я не хочу. Я с тобой пойду!

Амин обернулся.

– Только попробуй. И если еще раз заберешься в наш склад, я тебя больше выгораживать не стану.

Мальчик шустро вылетел за дверь следом, огляделся и снова потянулся.

– У-у-у, рань какая, смотри, даже твои соседи спят, на улице никого... Кстати, все хотел спросить, зачем ты мне помог?.. Эй, а можно помедленнее, я за тобой не успеваю.

– Вчера ты за мной прекрасно успевал, – отозвался Амин, не сбавляя шаг. – Зачем ты к нам забрался? Рядом же склад торговца жемчугом. Что, замок открыть не смог?

– Сдался мне жемчуг! – с презрением протянул мальчик. – А вот те белые сладкие штуковины были очень вкусными, – и застенчиво добавил: – Я еще хочу...

Амин резко обернулся, схватил воришку за руку и потащил уже знакомой дорогой к храму.

– Ты... конечно... можешь... если хочешь... снова меня... туда... отвести, – задыхаясь, бормотал мальчик, еле за ним поспевая. – Но я... все равно... сбегу.

Амин, раздраженно щелкнув пальцами, остановился.

– Как ты это делаешь? Открываешь замки, сбегает? Ладно, храм, но на рынке охрана получше будет. Как?

Мальчик согнулся, держась руками за колени, и прислонился к стене ближайшего дома, пытаясь отдышаться.

– У меня... связи. Слушай, ты можешь идти помедленней? Ну пожалуйста!

– Какие еще связи? – допытывался Амин.

– Богатые, – буркнул мальчик, отвечая юноше хмурым взглядом.

Амин подошел ближе. Наклонился, заглядывая воришке в глаза.

– С кем?

– Возьми меня с собой – скажу, – тут же отозвался мальчик.

Амин смерил его задумчивым взглядом.

– Не будешь мешать мне работать и на склад больше не полезешь. Договорились? И сладости не тронешь.

– Ладно, не трону, – упавшим голосом откликнулся мальчик.

Некоторое время они шли молча. Потом воришка вдруг ехидно поинтересовался:

– Что, решил с моей помощью эти самые жемчуга стащить?

Амин, не оглядываясь, промолчал.

– Все вы такие, о богатстве мечтаете, – вздохнул мальчик. – И ты мечтаешь.

Амин, не останавливаясь, бросил через плечо:

– И что?

– А представь, – вдруг вкрадчиво произнес мальчик, – я знаю пещеру с несметным богатством, золотом там, драгоценными камнями, серебром...

– А ты правда знаешь? – торопливо перебил Амин, все-таки оборачиваясь и сбавляя шаг. Мальчик скрестил руки на груди.

– Допустим. Что ты со всем этим будешь делать?

Амин тяжело вздохнул и промолчал. Мальчик понятливо улыбнулся.

– Может, я и скажу тебе, где эта пещера.

Амин красноречиво оглядел потрепанную одежду воришки, усмехнулся.

– Тебя как зовут-то, богач?

Мальчик задумался на мгновение.

– Валид.

– Имечко-то какое выбрал, птенчик, – пробормотал себе под нос Амин. И уже громче добавил: – Ну, идем. Только сайеду на глаза не попадайся. Тебе же хуже будет.

– Ваш сайед – жирный бурдюк, – с чувством сообщил мальчик.

Амин только тихо рассмеялся.

* * *

Это утро напоминало десятки предыдущих – палящее солнце, сумрак рынка, гул и тяжелый запах пряностей.

Фарах, отгоняя жадных до сладостей ос, переводил взгляд с гнувшего спину под мешком Амина на сидящего на прилавке и беззаботно болтающего ногами мальчика.

– А так сразу и не скажешь, что вы родственники...

Амин только усмехнулся. С его-то примечательной внешностью – светловолосых в Бахре отродясь было раз-два и обчелся – Фарах явно ждал подобной экзотики и от «племянника». Но темнокожий, с черными, точно южная ночь, выщипанными волосами мальчишка напоминал сотни других детей, играющих на улицах столицы. Даже одеждой несколько не отличался – разве что у иных ребят она почище и добротнее будет.

– На сына твоего он точно не похож, – строил предположения Фарах. – Слишком взрослый... разве что... Эй, сайед! – тут же переключившись на покупателя, заголосил бахреец. – Мимо не проходите, на пахлаву посмотрите! Сладкая, не оторвешься! Смотрите, как мальчишка уплетает.

Амин, поставив очередной мешок, бросил на Валида сердитый взгляд. Мальчик как ни в чем не бывало запихал в рот остатки пахлавы и невинно глянул в ответ.

– Что-то сайед нынче припозднился, – заметил Фарах, освободившись. – Эй, малыш, возьми лукум.

– Фарах! – простонал Амин, хватая бахреца за руку. – Прекрати! Мне Ясар потом каждый кусок посчитает.

– Да ладно тебе, – отмахнулся Фарах, подвигая к мальчишке блюдо, – пусть побалуется. А то будет такой же тощий, как ты. Пожалей дите. Тем более с ним торговля лучше идет.

Мальчишка причмокнул от удовольствия и состроил умильную рожицу проходящему мимо караванщику. Тот задумчиво проводил взглядом исчезающий с блюда лукум и, степенно подойдя к прилавку, стал расспрашивать о товаре.

– Вот, – весело кивнул Фарах, закончив с покупателем. – Да Ясар тебе еще и приплатить должен. Спорим, кто-нибудь из этих угрюмых пустынных еще придет сегодня договариваться с нашим бурдюком о крупной сделке. У них же, в их скалах, тоже дети остались.

Амин недоверчиво изогнул бровь, наклоняясь за мешком.

По рынку прокатился гулкий звук гонга.

Все, как один, и продавцы, и покупатели упали на колени, прижав лбы к полу. Амин, спохватившись, потянул изумленно озирающегося мальчишку, заставляя пасть ниц рядом.

– Великолепный, одаренный милостью Манат...

– А зачем мы это делаем? – громким шепотом поинтересовался Валид.

Амин шикнул на него, с трудом удерживаясь от желания отвесить паршивцу подзатыльник. Мальчик в ответ округлил глаза, но послушно ткнулся в пол и затих.

Как обычно стучали «пятками» копий стражи, как обычно мимо проплывали расшитые золотыми и серебряными нитями туфли евнухов... А вот черные, из хорошо выделанной кожи вдруг остановились прямо у Амина перед глазами.

И вся процессия тут же замерла.

Повисла звонкая, напряженная тишина.

– Скажи, Фарук, – медленно, лениво произнес тихий голос. – Ты вроде искал светловолосого?

Амин похолодел.

– О, Сиятельный, это так, – почтительно ответил скрипучий. – Но я должен осмотреть его, чтобы понять, подходит ли.

Черные туфли задумчиво шагнули ближе. Загнутый носок уткнулся Амину в лоб.

– Поднимись, раб, – велел первый голос.

Амин зажмурился, чувствуя, как по шее к лопаткам течет холодный пот.

– Сиятельный приказал тебе встать! – пропищал кто-то из евнухов, хватая юношу за волосы и вздергивая вверх.

Амин стиснул зубы и, дрожа, попытался сесть прямо. Почтительно опустил глаза долу, тут же заметив, как рядом порывается выпрямиться мальчишка, и Фарах – с явным трудом – его удерживает.

Сухопарый, сгорбленный старик отодвинул обряженных в цветастые одежды евнухов, подошел к Амину. Бесцеремонно ткнул клюкой ему в подбородок, приподнимая.

На мгновение Амин встретился взглядом со стоящим посреди евнухов юношей в черном – и тут же снова попытался уставиться в пол.

– Ну что? – поинтересовался юноша, равнодушно глядя на Амина.

Старик расцвел беззубой улыбкой.

– Подходит, о, Сиятельный, он – то, что нам нужно.

Юноша махнул в ответ рукой, и к Амину кинулись стражники.

– Мы возвращаемся, – зевнул Сиятельный, искоса глядя на бледного, как полотно, Амина. – Мне снова ску-у-учно.

Опять прогудел гонг, и вся процессия двинулась к воротам рынка, таща за собой Амина.

– О, Аллат! – выдохнул Фарах, отпуская, наконец, мальчишку. Рядом поднимались остальные, отряхивая пыль с одежд. – Ясар будет в ярости...

– Куда его увели?! – подскочил к нему Валид. – Что это значит?

– Что значит? – грустно повторил бахрец, становясь за прилавок. – Что нет у тебя больше дяди, малыш. Эх, Аллат...

– То есть? – изумился Валид. – Его убьют? Но за что?

– Как Манат распорядится... за то и убьют, – покачал головой Фарах. – Нет, возьму я сегодня выходной. Пусть этот бурдюк сам торгует!

– Что ты сказал? – пропыхтел рядом сайед. – О, пусть смилуется Аллат, хочешь меня совсем без работников оставить?!

Валид, широко раскрытыми глазами наблюдал разгорающуюся ссору. И медленно отступал, пока не наткнулся на другой прилавок.

– Эй, а ну дуй отсюда, мальчишка! – прикрикнули на него.

Валид машинально шагнул в сторону.

– Его – в клетку, и вам все равно? – тихо пробормотал он.

Когда Фарах, так и не отвоевавший себе выходной, огляделся, мальчишка давно растворился в толпе.

* * *

Амин натянул цепь до предела, с силой дернул. Звенья смешливо звякнули. Выдохнув, юноша опустил руки и взгляделся в темноту. Ничего, совсем ничего, даже проблеска света.

Глупо... Как же глупо после всего умирать вот так!

Стиснув зубы, Амин снова рванул цепь. Железные браслеты лишь сильнее врезались в запястья.

На полу рядом зашуршали. Юноша прислушался и брезгливо отпихнул крысу. Та ощерилась в ответ, но в темноте этого никто не заметил.

И метнулась в маленькую трещину в камнях, когда вдалеке яркой звездочкой замерцал свет.

Амин напрягся, щурясь.

Свет медленно приближался, превращаясь в небольшой односвечный фонарик. Амин зажмурился и почувствовал, как его знакомо ткнули клюкой в подбородок.

– Вставай, – приказал старик.

Амин и не подумал повиноваться.

– Вставай, ибни, имей уважение к старости.

Амин прикусил губу изнутри и неторопливо поднялся. Цепи оказались слишком короткими, руки пришлось держать опущенными.

Старик поставил фонарь на пол, спугнув еще одну крысу, и вытащил из-за пояса короткий загнутый кинжал.

Амин молча смотрел на блики, скачущие по клинку. А, когда старик шагнул ближе, не выдержал.

– Что вы со мной сделаете?

Старик отодвинул рукав абаи, прижал клинок к внутренней стороне локтя Амина.

– Пока только капля крови, ибни, я должен знать наверняка, что ты – тот, кто мне нужен. Последняя проверка. Но, – старик надавил, и кончик клинка окрасился алым, – ты все равно умрешь. Так или иначе. Однако если станешь меня слушаться, смерть будет быстрой.

Амин усмехнулся и выдохнул:

– Для чего это?

– О, – улыбнулся старик, убирая кинжал. – Конечно, чтобы исполнить желание Сиятельного.

Амин сомневался, что если бы Сиятельный видел своего колдуна сейчас, он бы ему поверил.

Но Сиятельный Шакир и не думал спускаться в подземелья – он с тоской глядел на танцующих пышногрудых наложниц, и зевал. Когда мелькание разноцветных одежд и блеск драгоценностей его утомили, шехзаде неспешно поднялся. Засуетились евнухи, разгоняя девушек – ни одной из них Сиятельный не приказывал явиться в его покои. А значит, нынче ночью в гареме будет царить печаль.

Самого Сиятельного это нисколько не волновало. Благословленный Манат лишь с тоской покружил по коридорам собственного дворца, приказал напомнить колдуну Фаруку, что его господин ждет. И от нечего делать отправился в свои покои.

Давно уже не радовала Сиятельного охота, да и женские прелести наскучили. Чтение, рисование, услада бесед, – все надоело. Как же скучно...

Тяжело вздохнув, Сиятельный привычно потянулся к блюду за любимым кишмишем, но вместо винограда пальцы нашарили пустоту.

Шакир открыл глаза и с изумлением уставился на блюдо. Перевел взгляд на сидящего рядом мальчишку в обносках – тот презрительно посмотрел на шехзаде и отправил в рот последнюю кисть кишмиша.

Но стражу или хотя бы главного евнуха Шакир позвать не успел.

– Не стоит, о, светлоликий шехзаде, – облизнувшись, заявил мальчишка, спрыгивая со стола и плавно перетекая на колени. И зачем-то добавил: – Я преклоняюсь перед величием Сиятельного.

– Кто тебя сюда пустил? – выдохнул Шакир, во все глаза смотря на мальчика.

Тот стукнулся лбом о пол, поморщился и выпрямился.

– Никто. Я сам пришел.

Шакир приподнялся на локтях.

– Да как ты посмел, раб...

– Я знаю, чего вы хотите, шехзаде, – непочтительно перебил его мальчик. – Ваше сокровенное желание – оно мне ведомо.

Шакир осекся.

– Вечную жизнь мне даст... – на тон ниже начал он, но мальчишка снова перебил:

– О вечной жизни мечтает колдун Фарук. Он обманет вас, о луноликий шехзаде. Но вы хотите другого.

– Продолжай, – после недолгой паузы разрешил Сиятельный. – Скажи же, чего я хочу.

Мальчик снова улыбнулся. И скрипуче пропел:

– Вам ску-у-учно.

Шакир резко поднялся. Удивленно выдохнул:

– Как ты...

– И я принес вам то, что избавит вас от скуки, – продолжил мальчик, – навсегда.

Шакир жадно глядел на него.

– И что же это?

– Посмотрите в окно, о шехзаде, – смиренно откликнулся мальчик.

Шакир бросился к окну – излишне быстро для Сиятельного.

Во дворе, где до этого танцевали темнокожие прелестницы, стоял конь. Черный. Деревянный. Вокруг него уже собрались евнухи и визгливо причитали.

Шехзаде повернулся к мальчику.

– Что это значит? Что это за игрушка?

Мальчик покорно потупил взгляд.

– Если Сиятельный соизволит оседлать его и нажать между ушей, конь поднимется в небо. Когда Сиятельный захочет спуститься, надо лишь погладить приметное местечко на шее – там, где белое пятнышко...

Не дослушав, шехзаде бросился к двери. Летать? Летать над городом, как птица? На зависть всем – и даже отцу-султану?!

Но проклятый мальчишка заступил дорогу и, не смотря Шакиру в глаза, четко произнес:

– Милость Сиятельного велика и безмерна, и он, конечно, одарит ничтожного малой ее толикой.

– Я дам тебе титул моего колдуна! – отозвался Шакир, пытаясь обойти мальчишку.

– Я бесконечно благодарен, о мой шехзаде. Но пусть вместо этого из темниц выпустят юношу, которого вы забрали сегодня на базаре.

– Светловолосого? – припомнил Шакир.

– Да, о, луноликий. Позвольте мне, ничтожному, просить вас об этом, прежде чем волшебный конь унесет вас в облака... как вы того желаете.

Напоминание о чудесной игрушке вскружило голову. Шакир торопливо отдал приказ и, не сдерживаясь, бросился во двор.

Валид опустил голову, пряча улыбку.

* * *

Амин с трудом передвигал затекшие ноги, вполне уверенный, что его ведут убивать. Царапину на руке жгло, глаза слепил яркий солнечный свет, голова гудела, точно ее пинали джинны. Поэтому, когда стражники сняли с юноши оковы и швырнули прочь от ворот дворца шехзаде, Амин только непонимающе уставился на них, скорчившись в пыли.

Тяжелые створки медленно захлопнулись.

– Я принес тебе воды, – произнес рядом тихий детский голос. – Пей, и нам нужно спешить.

Амин изумленно перевел взгляд на мальчика, не вполне уверенный, что все это ему не снится.

Валид, вздохнув, прижал горлышко фляги к губам юноши. Амин жадно глотнул, но тут же отодвинулся:

– Почему?..

Но мальчишка уже отнял флягу. И, схватив юношу за руку, настойчиво потянул.

– Идем. Ну же!

Амин с трудом встал. Неугомонный мальчик тут же рванул в ближайшую улочку, с недетской силой таща юношу за собой.

– Куда мы? – только и смог спросить Амин.

Над головой, заслоняя алое закатное солнце, пронеслась тень. Мальчик поднял голову, Амин – тоже.

– Это... конь? – выдохнул он. – И...

– И ваш Сиятельный на нем, – отозвался Валид. – Нам нужно до сумерек попасть за городские ворота. Ну, давай же, шевелись!

Амин не выдержал, как только они оказались за городской стеной.

– К чему такая спешка? Куда ты меня тащишь? Что еще ты натворил?!

Мальчишка упал на песок, тяжело выдохнул:

– Сейчас... надо... найти караван... который идет... подальше отсюда.

– Зачем? – искренне удивился Амин.

Валид обернулся.

– Видел коня? Это я принес его шехзаде.

Амин пораженно уставился на него.

– Ты?! Но... как? Откуда?!

Валид торопливо кивнул куда-то влево.

– Взял... тут, у одного... на время. Одолжил.

– У кого?!

– У местного ифрита, – сердито отозвался Валид. – И теперь конь возвращается к хозяину. Что еще тебе непонятно?

– То есть, – медленно начал Амин, – ты хочешь сказать, что выкупил меня за коня, который даже не твой... и что сделает этот ифрит с шехзаде?!

– А что делают все ифриты с людьми? – ехидно откликнулся Валид. – Конечно, съест!

Амин опустил на песок рядом с мальчиком.

– Шехзаде мечтал о лекарстве от скуки, – усмехаясь, закончил Валид. – Он его получил.

Амин устало потер лоб. Встретился с недоуменным взглядом мальчика и тихо произнес:

– Ты убил его. Сиятельного. Ты это понимаешь?

Мальчик пожал плечами и равнодушно спросил:

– Ну и что?

Амин глубоко вдохнул. Знакомое желание встряхнуть маленького голодранца нахлынуло снова, да так, что руки зачесались.

Юноша сжал кулаки.

– Где найти этого ифрита?

Мальчик в ответ уставился на него с искренним недоумением.

– Зачем? Нам нужно сейчас бежать отсюда, а не...

– Где? – настойчиво повторил Амин.

Нахмурившись, мальчишка махнул в сторону заходящего солнца.

– Там. Недалеко. Но зачем?.. Стой! Куда ты?!

Амин, не оглядываясь, шагнул в сторону алого лика Аллат.

– Постой! – догнал его Валид. – Зачем он тебе? Сокровища у этого ифрита – так, безделья, я тебе лучше пещеру покажу и совершенно безопасную. Если захочешь. Да погоди же ты! А, хочешь, просто скажу, как достать жемчуга у того бурдюка, который неподалеку от вас на рынке торгует?

Амин резко обернулся, и мальчишка чуть в него не врезался – юноша успел схватить его за худенькое плечо.

– Катись к шайтану со своими сокровищами! – и тише добавил: – Шехзаде из-за меня в беду попал. И умрет из-за меня.

Мальчик вытаращился на него.

– Ты что... спасти его решил?! Да он сам тебя убить собирался, забыл? Вечную жизнь хотел, – и мальчик, схватив Амина за руку, потащил в сторону ближайшего каравана, вереницей растянувшегося от города – и почти до горизонта. – Не глупи. Идем же!

Амин стяхнул его руку. Решительно отвернулся и зашагал прочь.

– Хочешь, чтобы ифрит и тебя съел?! – закричал ему вслед мальчик. – Если ты думаешь, что я помогу – ошибаешься! Я его даже не знаю! И он явно будет недоволен, что я пусть и на время присвоил его любимую игрушку!

– Я же сказал: «Катись к шайтану», – буркнул Амин, щурясь от последних алых лучей Аллат. – Не нужны мне такие помощники.

Какое-то время он действительно шел один. Затем рядом раздалось знакомое сопение.

– Да ты даже его пещеру один не найдешь, – бурчал Валид, с трудом приноравливаясь к широкому шагу юноши. – И вообще, ты что, собираешься явиться к ифриту и сказать: «Извини, дорогой, не хотел тебя беспокоить, мне только твой пленник нужен»? У тебя даже оружия нет! Умрешь задаром!

Амин пожал плечами. И тихо, почти шепотом произнес:

– Чистая совесть дороже.

– Дурак, – откликнулся Валид.

Пещеру ифрита Амин и впрямь бы сам не нашел. Всего лишь вынырывающие из-под песка камни – как островки в море или клыки гулей – и один из них чуть более плоский, чем остальные.

Амин посмотрел на мальчика.

– Ты знаешь, как войти?

Валид пожал плечами.

– Понятия не имею. Но там, – он ткнул пальцем, указывая на камень, – должно быть написано.

Амин, хмурясь, наклонился и с трудом разглядел в сумерках вырезанные на камне странные палочки и прихотливые закорючки. Нахмурился, всматриваясь.

Мальчишка подбоченился.

– Это высокий алатийский. Его вообще мало кто знает. А я тебе переводить не буду. Так что прогулялись – и хватит. Идем обрат... – и осекся, когда юноша, выпрямившись, стал отсчитывать шаги от камня до ближайшего «клыка». Нагнулся, за что-то дернул – каменная плита отъехала в сторону.

Амин шагнул в черную пасть провала первым. За ним, приоткрыв рот от удивления, побежал и мальчик.

Тускло светящиеся ступеньки вели вниз, глубоко под землю. Тишина, казалось, приглушала шаги – и заставляла вздрагивать от каждого шороха.

– Старайся ничего не касаться, – шепотом предупредил мальчик.

Амин кивнул. И тихо спросил:

– Кто ты такой?

Валид нахмурился.

– В смысле?

– Что не человек – это ясно, – продолжил юноша. – Тогда кто же? Может, ты джинн?

Скрипучий смех мальчика на мгновение отогнал тишину.

– Я? Нет. Вообще-то я и правда человек.

Амин покосился на него и выразительно усмехнулся.

– И почему же ты мне помогаешь?

Валид опустил взгляд. Протянул руку к сырой стене – и тут же отдернул.

– Не люблю колдунов, – признался он. Потом добавил тихо: – И клетку.

– Клетку? – удивленно переспросил Амин.

Мальчик кивнул.

– Свобода – это жизнь, – добавил он. И тут же выдохнул: – Стой!

Амин послушно замер, краем глаза заметив промелькнувшую тень – точно огромная змея скользнула по тускло мерцающей стене.

– А вот это уже был джинн-слуга, – криво улыбнулся Валид. – Теперь хозяин о нас знает. Идем дальше?

Амин сжал дрожащие пальцы в кулак.

– Да.

Мальчик равнодушно пожал плечами.

Лестница кончилась посреди громадного пустого зала-пещеры. Тишина тут была звонче, а темнота гуще. Еще Амину постоянно чудился чей-то взгляд, настороженный, наблюдающий.

– Не трогай ничего, – снова предупредил Валид. – И все-таки – как ты собираешься справиться с ифритом?

Амин, и сам задававшийся этим вопросом, отвел взгляд.

– Что-нибудь придумаю.

– Ну-ну, – фыркнул мальчик. – Совет, если позволишь: если ифрит тебя сразу не сожжет, ты уже наполовину выжил. Если займешь его интересной беседой – есть даже шанс выбраться отсюда.

– Откуда такие познания? – пытаясь скрыть дрожь в голосе, поинтересовался Амин.

Валид хохотнул.

– А откуда ты знаешь алатийский?

Амин вернул ему усмешку.

Потолок пещеры, мерцающий как до этого – ступеньки, вдруг понизился, проход сузился, пока не превратился в тесный коридор – вдвоем не пройдешь. Амин, отодвинув мальчика, шагнул первый. Тут же где-то вдали весело заплясали языки пламени. Юноша вздрогнул, но пламя оказалось просто факелами, воткнутыми в стену на равном расстоянии. И загорались они точно в такт шагам юноши. Мальчик прав: ифрит о них уже знает. Но почему не выгоняет неожиданных гостей?

Еще с сотню шагов, и коридор разветвился. Амин в нерешительности замер. Правый и левый выглядели абсолютно одинаково.

Валид догнал его, осмотрелся.

– Вон тот, – мальчик ткнул в сторону левого, – ведет в сокровищницу. И сам хозяин наверняка там. А тот, – палец указал в сторону правого, – в нижние пещеры. Шехзаде, скорее всего, там.

Амин потер переносицу. Повернулся к мальчику.

– Иди направо. Освободишь шехзаде и выбирайся.

Валид хмуро посмотрел на него.

– А ты?

Амин улыбнулся и шагнул в сторону левого коридора.

Мальчик проводил его странным взглядом, цыкнул и повернул направо.

* * *

Амин шел медленно, старясь шагать как можно тише, и настороженно прислушивался. Коридор кончился огромным пустым залом с малахитовыми колоннами и мраморным в серые прожилки полом. Амин оглядывался, но никак не мог найти выход. Юноша, натянутый как струна, блуждал между колоннами, вздрагивая от каждого шороха.

Наконец на глаза совершенно случайно попала маленькая дверца. За ней открылся красивый сад, полный экзотически прекрасных цветов и плодоносящих деревьев. Где-то под уходящим ввысь сводом даже пели птицы.

Дорожка странно шуршала под ногами. Амин кинул взгляд вниз и ахнул – крупные разноцветные жемчужины матово блестели, перекатываясь.

Наклонившись, Амин протянул руку, но тут же одернул себя. Быстро выпрямился... и заметил висящий в воздухе сгусток огня. Замер, торопливо огляделся, но бежать было некуда – дверца в зал с колоннами исчезла.

Пламя подплыло ближе, покружило вокруг дрожащего Амина, вытянулось и превратилось в огненного юношу одного с Амином роста. Ифрит скрестил руки на груди, наклонил голову, задумчиво рассматривая неожиданного гостя. Кривя губы, хмыкнул:

– Да не дрожи. В своем саду я тебя не трону. Что, понравились камешки?

Амин содрогнулся – и упал ниц, ткнувшись лбом в жемчужины.

– Сайед...

– Я не собираюсь разговаривать с твоим затылком, ибни, – перебил ифрит. – Встань, дай себя рассмотреть.

Амин с трудом поднялся – ноги не держали. В лицо дохнуло жаром.

– Интересно, очень интересно, – протянул ифрит. – Я чувствую на тебе отпечаток другого существа. Другого, как я... и не такого. Но если бы у тебя уже был покровитель, ты не явился бы вот так... я полагаю. Тогда что это значит?

– Сайед... я не понимаю, – пролепетал Амин, пытаясь предугадать, что сделает сильнейший из джиннов... и куда до этого бежать.

– Естественно! – презрительно фыркнул ифрит, заглядывая юноше в глаза. – Вы, людишки, дальше собственного носа никогда не видели и не будете... Быть не может!

Амин вздрогнул от неожиданности, а юноша-ифрит уже отпрянул, смотря на Амина с неподдельным изумлением.

– Так вот, значит, чей это след, – пробормотал он. – Неужели... Невозможно...

Амин осторожно сделал шаг назад. Еще шаг...

У него за спиной из сгустков дыма соткались три кобры в человеческий рост. Одна, раскрыв капюшон, потянулась к юноше...

– Вон! – прикрикнул ифрит, и змеи растворились в воздухе.

А огненный юноша шагнул к Амину. Посмотрел задумчиво.

– Понравился, значит, жемчуг? – и широким жестом указал на дорожку. – Бери, сколько влезет.

Амин уставился на него.

– Ч-что?

– Бери, говорю, – скривился ифрит. – Лучше черный, за него на базарах выше цену дают.

Амин сглотнул.

– Благодарю... сайед... но... я не...

– Не веришь? – улыбнулся ифрит. Шагнув ближе, почти на ухо юноше шепнул: – Бери. В обмен на одну услугу. Но для тебя это будет безделицей.

Амин нахмурился.

– Сайед?..

– Просто скажи своей сайеде, – ифрит облизнул огненные губы, – скажи, что я мечтаю об амулете Абрады... Ну-ну, ибни, не удивляйся. Даже у ифритов есть желания, и даже мы не можем поймать удачу за... хвост. Только вы, люди. И то изредка. Ты счастливчик, ибни.

Амин, не вполне уверенный, что сам еще не сошел с ума, честно сказал:

– Сайед, я не понимаю, о чем вы говорите.

– Потом поймешь, – усмехнулся ифрит. – Ну, бери же жемчуг.

– Не нужно, сайед, – осторожно произнес юноша. – Пожалуйста... лучше освободите шехзаде.

– Того мальчишку, который прилетел на моем коне? – вскинул брови ифрит. – Хм... Кажется, я начинаю понимать, что она в тебе нашла... Всегда добрых идиотов любила... Ладно, не хочешь жемчуг, пойдём – покажу мою сокровищницу. Тебе понравится. Вы, люди, такие жадные!

Амин остался стоять, не понимая, что ему делать.

Ифрит обернулся.

– Ну, идем, ибни. Пока я позволяю.

Амин не стал более испытывать его терпение.

Сокровищница у хозяина подземного дворца оказалась громадным залом, усыпанным золотом и драгоценными камнями. Красота жемчужин в саду просто терялась среди этого великолепия. Амин тяжело сглотнул, оглядывая горы сундуков. С трудом переступил по усыпанному монетами полу и, поскользнувшись, чуть не упал.

– Нравится? – усмехнулся ифрит.

Амин рассеянно кивнул, не в силах отвести взгляд от громадного сапфира на вершине золотой горы.

– Бери, сколько сможешь унести, – разрешил ифрит, с любопытством глядя на юношу.

Амин пораженно осмотрелся. Снова поскользнулся, схватился за ближайшую монетную горку – золото и камни, рассыпаясь, больно врезались в пальцы.

– Ну, не стесняйся, – подначивал ифрит. – Бери. Представь, сколько на это можно купить. Нормальный дом, место при дворе самого султана... И жить припеваючи до конца дней...

Амин, спотыкаясь и поскользываясь, прошел к стене пещеры. Ифрит, склонив голову, наблюдал.

– Интересный выбор, – оценил он, когда Амин снял с подставки изогнутый кинжал-джамбию в ножнах из слоновой кости. Загадочно сверкнули на свету капельки рубинов, тускло блеснул золотой ободок.

Амин поднял руку, рассматривая клинок.

– А жемчуга? Золото? – вскинул брови ифрит.

Амин молча покачал головой.

– Ну что ж... умно, – усмехнулся ифрит и щелкнул пальцами. В воздухе рядом с Амином соткались громадные кобры.

Юноша отступил к стене.

– Сайед...

– Что? – фыркнул ифрит. – Я передумал, – и, обращаясь к змеям, бросил: – Убить.

* * *

Человек, краснея от натуги, пытался освободиться, но змеиные кольца сжимали все сильнее. Плоская голова громадного питона опустилась, заглянула в выпученные глаза жертвы. Раздвоенный язык засвистел-зашипел – точно еле сдерживаемый смех.

Валид, от души наслаждавшийся зрелищем, с сожалением вздохнул. И вышел из тени.

Приказал изменившимся скрипучим голосом:

– Отпусти.

Голова питона повернулась, потянулась к мальчику и, замерев на полпути, растворилась в воздухе. С тихим хлопком исчезли кольца, а человек, задыхаясь, рухнул на каменный пол.

Валид шагнул ближе, погладил прутья клетки. Поморщился.

Человек с трудом приподнялся, увидел мальчишку и хрипло прокаркал:

– Ты?!

– Ну как вы, о, светлоликий шехзаде? – издеваясь, поинтересовался Валид, жадно глядя на Шакира. – Больше не скучно?

Шехзаде задохнулся – не то от гнева, не то от боли в груди.

– Ты... вероломный... шайтан! Я прикажу тебя казнить! Тебя убьют – мучительно и...

Мальчик усмехнулся и, помахав на прощание, отвернулся.

– Ну, счастливо оставаться.

В воздухе рядом с шехзаде снова соткался питон. Потянулся заинтересованно.

– Стой! – торопливо закричал пленник, отползая подальше от змеи. – Стой! Я... я...

Мальчик равнодушно посмотрел на него через плечо.

– Я тебя озолочу!

– Вы, люди, меняетесь так быстро, – вздохнул Валид, снова подходя к клетке. – И так медленно... Изменись для меня сейчас, шехзаде, – ехидно добавил он. – Проси.

– Что? – выдохнул Шакир.

Мальчишка и питон переглянулись. Змея тихо засвистела-рассмеялась.

– Проси, – лениво повторил Валид, – чтобы я помог тебе бежать. Ну, давай.

– Я шехзаде! – выкрикнул Шакир и тут же пожалел об этом – все еще посвистывая, питон пополз к нему.

– Плевал я, кто ты, – холодно откликнулся мальчик. – Здесь ты – ничтожество, на которое даже хозяин-ифрит смотреть не желает. Тебя отдали слугам-джиннам, как кость – собакам. Ты – ничто. И, кстати, не только здесь.

Прямо перед глазами Шакира оказалась плоская змеиная морда, и Сиятельный на подломившихся ногах рухнул на пол.

Мальчишка, предвкушая, подошел ближе. Посмотрел заинтересованно на пытающегося подползти к прутьям клетки шехзаде.

– Пожалуйста...

– Сайед, – эхом откликнулся мальчик.

Шакир посмотрел на него с ненавистью, но послушно выдохнул:

– Пожалуйста, сайед...

– Плохо просишь, – вздохнул мальчик. И, издеваясь, протянул, отворачиваясь: – Ску-у-учно!

Змеиные кольца снова сжались.

Шакир истоиво закричал:

– Пожалуйста! Вытащи меня отсюда! Помоги! Прошу тебя!

Валид, смеясь, обернулся. Махнул рукой, и питон, свистя-смеясь, исчез.

– Ну вот. Умеешь же, когда хочешь. Заткни уши.

Шакир, рухнув на пол, торопливо прижал руки к ушам. Но все равно различил мерзкий скрипучий звук, который испустил мальчишка.

Зевнув, Валид ткнул пальцем в один из прутьев, и тот упал рядом с шехзаде.

– Пролезешь? – задумался мальчик. – Отъелся ты, султаныш, конечно... Ну-ка, попробуй.

Шакир быстро протиснулся между прутьев и замер, когда мальчик дернул его за рукав.

– Учти, шехзаде, – пристально смотря Сиятельному в глаза, сказал Валид, – когда вернемся, если ты хоть пикнешь про эту пещеру... Лучше тебе тогда здесь остаться.

Шехзаде резко кивнул, дрожа.

– Умница, – улыбнулся мальчик. – Ну, идем тогда.

Шакир, задыхаясь, мчался по коридорам и лесенкам, пытаясь не отстать от странного мальчика. Тот, не задумываясь, сворачивал на поворотах, будто не раз здесь раньше бывал. Так что когда вдруг остановился перед красивой резной дверцей, Шакир чуть на него не налетел.

Дверца распахнулась и в странный зал с громадными, вычурными колоннами из малахита сначала вылетел смутно знакомый парень, весь в саже и тлеющем рванье. Затем, к ужасу шехзаде – с сердитым шипением выползли две кобры. И заключительным аккордом – лениво прошептал ифрит собственной персоной.

Светловолосый парень метнулся сначала к ближайшей колонне, потом, заметив мальчишку, – к нему, что-то крича. Кобры окружили троих людей, и только у светловолосого было оружие – какая-то жалкая джамбия.

Шакир в который раз за вечер успел попрощаться с жизнью, когда в рев пламени, шипение змей и крик светловолосого ворвался чистый, точно пение серебряного бубенца, голос – от которого вокруг стал клубами появляться туман... и шехзаде потерял сознание.

* * *

– Признайся, ты – колдун?

– А-а-а! – застонал мальчишка, хватаясь за голову. – Да что ты пристал ко мне?! Путешественник я, с джиннами знаком – да. Но я не колдун. Будь я колдуном, нас бы так легко не отпустили. Ифриты ненавидят колдунов. Я, кстати, тоже.

– Но это же после твоей песни и джинн, и ифрит не могли двинуться, – выдохнул Амин, поправляя то и дело съезжающего с плеча шехзаде. Сиятельный благостно пребывал без сознания, пропустив долгий и очень нервный побег из подземелья.

– Ну, песня, – поморщился Валид. – Вот только петь и умею.

Амин недоверчиво хмыкнул.

– А ты сам-то где намострячился так джамбией махать? – в свою очередь, поинтересовался мальчик. – Сноровисто у тебя получалось.

– А ты где петь научился? – «вернул» ему Амин.

Мальчик понимающе улыбнулся.

На плече юноши застонал, приходя в себя, шехзаде.

– Отпусти его, а то свалится, – посоветовал Валид. – Да и мы уже почти у ворот. Пусть сам идет.

Амин осторожно опустил дернувшегoся Сиятельного на песок. И по привычке чуть не упал ниц.

– Прекрати, – поморщился мальчик, хватая его за рукав. – Кланяются достойным. Это, – он кивнул на шехзаде, – недостойно.

Амин все-таки согнул спину, торопливо бормоча:

– О, Сиятельный шехзаде, не гневайтесь, он еще ребенок, он просто не понимает...

Шехзаде ошеломленно перевел взгляд на мальчика. Тот щелкнул пальцами и красноречиво вскинул брови.

– Да как ты смеешь, раб, – начал было Сиятельный, быстро поняв, что город близко, а пещера ифрита, наоборот, далеко.

Мальчик снова щелкнул пальцами, и песок рядом с шехзаде как-то странно зашевелился. По-змеиному.

– А-а-а, – испуганно протянул Сиятельный.

– ...явите милость... – лепетал ничего не замечающий Амин.

– А... – Шехзаде оглянулся на подозрительно шевелящийся бархан и быстро добавил: – Да, конечно... Уходим! – прозвучало это почти как «бежим!», и Амин тут же вскочил, подставил пошатывающемуся шехзаде плечо, безостановочно бормоча извинения.

Мальчишка плелся позади. Но уже у ворот, когда Сиятельный случайно встретился с ним взглядом, Валид одними губами шепнул:

– Помни.

И выразительно указал на песок.
Сиятельный содрогнулся и первым поспешил в город.

* * *

– Ясар меня убьет, – простонал Амин, глядя вслед пышной процессии стражи и евнухов, встретившей своего шехзаде.

– А? – вскинулся мальчик, глядящий почему-то на небо. – Тот бурдюк? За что?

– Я целый день пропустил! Он на меня все беды повесит и платить заставит, – скривился Амин. – О, боги, рынок ведь уже открылся!

– Стой, – успел схватить его за рукав Валид. – Тебя в таком виде там прямо-таки ждут. Не обеднеет твой Ясар, пошли, переоденешься и помоешься. Да и отдохнуть бы не мешало...

– На что?! – воскликнул юноша. – У меня ни гроша.

Мальчик выразительно поглядел на джамбию, прячущуюся за полуистлевшим поясом. Амин схватился за рукоять и тут же отпустил.

– Нет. Это не продам, – твердо сказал он.

– Странный ты, – вздохнул мальчик. И припустил вслед за поспешившим на базар юношей. – Эй, погоди! Серьезно, иди в бани, а я пока тебе прикуплю что-нибудь из одежды.

Амин сжал кулаки.

– Ты, что, не понима... – и осекся.

Улыбающийся мальчик протягивал ему горсть черных жемчужин.

– Подобрал в саду у ифрита, пока убегали. Правда, я молодец?

* * *

Сайед Ясар уже начал пыхтеть ругательства в лицо Амину (невеста когда отпустили, а на работу только сейчас явился!), когда увидел вдруг перед носом черную жемчужину.

Бахрец, поперхнувшись, сразу заметил и аккуратный внешний вид работника, и добротную, явно новую одежду.

Булькнул:

– Откуда это?

– Беднякам иногда везет, сайед, – улыбнулся юноша.

Ясар вытаращился на него, как рыба без воды, выхватил жемчужину, уже представляя, кому ее продаст, и прикрикнул на работника, чтобы поторапливался – во дворе ждут не дождутся ящики с персиками. Потом повернулся к занимающемуся покупателями Фараху, отвесил подзатыльник, чтобы товар продавал, а не на Амина удивленно пялился. И вдруг встретился глазами с сидящим прямо на прилавке мальчишкой-вором.

Валид улыбнулся, отправляя в рот еще кусок пахлавы.

– Хотите узнать, где взять жемчуг? – поинтересовался он, не дав торговцу позвать стражу.

Ясар с сомнением посмотрел на ребенка, но все-таки спросил:

– Где?

Валид облизнул пальцы и улыбнулся.

– Есть тут одна пещера...

А чуть позже колдун Фарук совершенно случайно не досчитался весьма ценного амулета Абрады с заключенной туда спящей джинней.

Зато на стене его комнаты вместе со следами липких пальцев красовалась торопливая вязь на алатийском: «Хочешь вернуть амулет? А получить жезл Манат, дарующий вечную жизнь? Тогда – есть тут одна пещера...»

* * *

Легкая, пронзительная мелодия рабабы парила над кутающимся в ночное покрывало садом. Казалось, даже месяц-Вадд остановил свою колесницу, прислушиваясь.

Игриво вплелась в музыку нотка кануна – музыкант виртуозно перебирал пальцами струны, и вскоре рабаба вторила ему, сменив грусть на томное обещание.

У кого-то остаток ночи обещал быть жарким.

Мальчик в видавшей виды абае сидел на крыше Сералья, вслушиваясь в переливы музыки. Свесив ноги, постукивал пятками в такт. Замирал, когда журчание кануна прерывала тонким шепотком рабаба. Подставив лицо лунным лучам, непонятно улыбался, наслаждаясь.

– То мне было ведомо, что тебя здесь встречу.

Мальчик обернулся, успев заметить, как крохотный огонек, невозможно вытянувшись, превратился сначала в огненную человеческую фигуру, потом – юношу.

– А... ты, – вздохнул мальчик. – Держи.

Звякнула серебряная цепочка, сверкнул бесчисленными гранями алмаз.

– Твое желание исполнено, – равнодушно объявил мальчик, не глядя на ифрита.

Тот улыбнулся, пряча амулет. Сказал тихо:

– Ты же ненавидишь людей.

– Мы все ненавидим людей, – заметил мальчик, подпирая подбородок кулачком.

– Тогда почему ты помогаешь этому ибни?

Мальчик промолчал.

– Из всех – ты... – покачал головой ифрит. – Счастливчик все-таки. Не с каждым рядом – удача.

Мальчик, не отвечая, поднял голову и, обращаясь не то к небу, не то к месяцу-богу, запел, вторя рабабе и кануну.

Ифрит молча слушал, вертя в руках цепочку амулета.

Людам не дано услышать и понять такое. Разве что лишь раз. Разве что один из многих. Но боги и джинны готовы отдать за этот прекрасный голос все на свете, лишь бы его обладатель пел для них.

Только для них. Всегда.

* * *

Завтракали Амин и Валид как богачи – в чайхане. Мальчишка жмурился от удовольствия, уничтожая сладости. Амин улыбался.

– Спасибо.

– Фа фо? Фа фе фо фе фефал, – не потрудившись прожевать, отозвался мальчик.

Амин потянулся, потрепал мальчика по волосам. Валид насупился, но от прикосновения не ушел.

– Позволь, я тебе хоть новую абаю куплю.

– Да ну ее к шайтану, – фыркнул мальчик. – Тут абая, у кочевников – дишдаза. Еще у кого – что-нибудь другое. Глупо. Не хочу.

– Ты собираешься уйти? – удивился Амин. – Но я же предложил тебе вчера мой дом.

– Ты его купи сначала, – фыркнул Валид. – И потом, я же говорил, что я путешественник. Не сидится мне на одном месте, уж извини. Но спасибо. Ты мне тоже, – мальчик задумчиво посмотрел на Амина, – понравился.

Амин с сожалением оглядел мальчика.

– Хорошо. Но знай, что двери моего дома для тебя всегда открыты... Когда я его куплю.

Валид улыбнулся, запихивая в рот лукум. И тут же поперхнулся, когда Амин протянул ему руку.

– Дружба?

Мальчик, колеблясь, осторожно коснулся пальчиками руки юноши.

– Э-э-э... да.

Амин сжал его пальцы.

И тут с улицы донесся звонкий голос глашатая:

– Слушайте, слушайте все! Великий, осененный милостью Манат и благосклонной улыбкой Аллат султан Гарибы отдаст свою дочь, луноликую царевну Алию в жены сильнейшему, который победит других на Испытании! Ровно через шесть лун, смельчаки со всех концов мира, приходите бороться за руку прекрасной Али!

* * *

– Сдалась тебе эта царевна?! – кричал мальчик, вышагивая вокруг Амина. – Что, девченок вокруг мало? Может, и не лунолика она вовсе! Ты же хотел купить дом и свою лавочку!

– Ты не понимаешь, – покачал головой Амин. – Если я женюсь на ней, султан поддержит меня, когда я... – он запнулся.

– Ты на ней не женишься! – крикнул мальчишка. – Ты не знаешь этого султана. Он... Ты не справишься!

– Не веришь в меня? – грустно спросил Амин, глядя на Валида, вышагивающего по комнате старого дома юноши.

Мальчишка остановился. Внимательно посмотрел на Амина.

– Послушай. Султану служат джинны. И ифриты. И марида. И гули. И кто только ему не служит!

– Ну ты еще сюда хумай приплети, – хмыкнул Амин.

Мальчишка побледнел. С силой ударил кулачком по стене.

– Ты безрассудный, наивный дурак, ты помрешь ни за что! Я не собираюсь на это смотреть! – и решительно направился к двери.

Амин вскочил.

– Постой! Но ты же поможешь мне с джиннами?

Мальчик остановился. Оглядел его с ног до головы и фыркнул.

– Как, интересно? Я не колдун и сам не джинн, забыл? Я просто путешественник.

– Ты знаешь о них определенно больше меня, – нашелся Амин. – Пожалуйста, Валид, без тебя я не справлюсь. А когда я стану султаном, я прикажу давать тебе столько лукама и других сладостей, сколько в тебя влезет...

– Такие, как ты, султанами не становятся! – зло перебил Валид.

Дверь хлопнула перед носом вздрогнувшего Амина.

И что это на мальчишку нашло?

* * *

– Как – уходишь? – ахнул Фарах, после внезапного исчезновения Ясара также внезапно обнаруживший себя (вот уж от кого-кого, так от бурдюка не ожидал!) его наследником. – Но я думал, мы могли бы вместе торговать. Без этого бурдюка, да покоится его дух – если он, конечно, покоится – только лучше. Амин, подумай... погоди... ты что, собрался в Гарибу?

Юноша виновато улыбнулся.

– Извини, Фарах. Да, собрался. И я выиграю.

– Ты... – начал было побагровевший Фарах, но Амин оборвал его:

– Не надо. Я пришел попроситься. Смотри, тебя покупатели ждут, – кивнул он на выстроившуюся перед прилавком очередь.

Смуглый кочевник, стоявший первым, воспользовался паузой в беседе и громко потребовал, чтобы ему продали «этих прекрасных сочных фруктов, вах!».

Амин в последний раз посмотрел на лавочку, бывшую его домом целых два года, и повернулся к воротам.

– погоди! – крикнул ему вслед Фарах. – А как же твой племянник?

Амин, не поворачиваясь, пожал плечами.

Фарах, отвешивая кочевнику лишний персик, смотрел вслед уходящему товарищу, а в голову лезли странные мысли о том, что иногда даже призрак надежды может заставить идти на любые безрассудства.

Хотя при чем тут надежда?

* * *

Завернувшись в накидку-бурнус, Амин шагал вместе с караваном. Впереди таяло в дымке вечера солнце. Позади готовилась к ночи Бахра.

Амин непроизвольно погладил рукоять заткнутой за пояс джамбии и вздохнул. Он не знал, на что надеялся. За руку царевны будут бороться и эмиры, и шехзаде. Куда ему? У него даже знакомого колдуна нет.

Он не справится. И сам ведь не верит. Так не лучше ли повернуть обратно в Бахру и забыть обо всем?

Амин упрямо сжал губы и накиннул на голову мягкий вязаный капюшон.

У него нет шансов. Никогда не было. И в Бахре – тоже шансов нет. Он всегда был обузой, никому не нужной обузой – для всех. И это никогда, никогда не изменится...

Кто-то дернул его за рукав. Хмурясь, Амин обернулся.

– Ты – дурак, – чеканя слова, заявил Валид, принаравливаясь к его шагу. – Но я тебя одного не оставлю.

Амин неверяще уставился на мальчишку.

– Но почему, ты же не хотел...

– Дружба, – печально вздохнул Валид, – она такая. Заставляет делать глупости! Кстати, знаешь, есть у меня парочка знакомых джиннов в Гарибе... Эй, ты что делаешь?!

Амин, расчувствовавшись, подхватил мальчишку и крепко обнял.

– Ах ты маленький шайтан...

– Да, я от тебя тоже в восторге, – буркнул мальчик. И обреченно добавил: – И какого шайтана ты ко мне прицепился?..

Ночь вторая Птица в клетке

Дрожащий от жары воздух пустыни пронзила мелодия рабабы. Ввинтилась в уши, заставила вздрогнуть сердце.

– Шайтан бы тебя забрал! Сначала играть научись, потом струны терзай, – сонно пробубнили рядом.

Амин вздохнул и, опустив голову, покосился на степенно шагающего справа верблюда. На верблюде – чужом, выпрошенном у кого-то из торговцев – покачиваясь, ехал закутанный в хаик Валид. И монотонно критиковал горе-музыканта, который все равно ничего, кроме рабабы не слышал.

А вот Амина раздражало. Все, начиная от непрекращающейся весь день жары до песка, забивающегося где можно и где нельзя.

И есть ведь такие счастливиčky, которых волнует только игра какой-то рабабы!

– Ну что за ноту ты взял, шайтан, – сонно бубнил мальчик.

В подобные моменты Амину хотелось спустить его с верблюда на землю и заставить идти до заката пешком. Тогда бы живо перестали волновать все рабабы мира.

Но Валид, первым же утром вкусивший прелести путешествия по пустыни, быстро подыскал себе более удобный способ передвижения. Первой его идеей, правда, было ехать верхом на Амине – дескать, это не он царевны ради невесть куда тащится, так зачем бедному ребенку страдать?

От чего ребенок сейчас страдал, так это от безделья – поэтому дремал сутки напролет, разве что время от времени спрашивая, когда они дойдут до Весты – города в устье двух полноводных рек – Бадры и Атаны.

Амин же спрашивал себя, кто будет платить за верблюда, когда до города они все-таки дойдут...

Пустыня становилась терпимой, только когда садилось солнце, – и Амин уже понимал, почему кочевники поклоняются скорее месяцу-Вадд, чем Аллат. От жаркой богини солнца они ничего хорошего не видели.

Останавливались обычно в оазисах или у известных только бедуинам колодцев. От холодной воды сводило зубы, но Амин пил, захлебываясь, – как и верблюды. И все равно потом мечтал о фонтанах, теперь прекрасно понимая, почему и у людей, и у зверей при виде источника на бахрском рынке загорались глаза.

Валид слонялся рядом и канючил сладости. Периодически они мальчишке даже перепали – от сердобольных торговцев, купившихся на жалостливую детскую мордашку.

– Скря-а-ага, – бурчал мальчишка, если получал от ворот поворот.

Амину он говорил то же самое. Но тратить на такую ерунду деньги юноша не желал, даже если приходилось выслушивать бесконечное нытье.

А ныть мальчишка умел. И еще совершенно не был приспособлен для путешествий.

– Какой же из тебя путешественник, – ворчал Амин, отшвыривая от визжащего мальчишка скорпиона, – если ты даже такой мелочи боишься.

– Я не боюсь! – пищал Валид. И подпрыгивал от ужаса, если Амин шуточно подгонял скорпиона к нему. – Прекрати!

Скорпион бежал, Валид – тоже, но в другую сторону. Да так, что пятки сверкали. И мог пропасть до следующего утра, обнаружившись в компании какого-нибудь пьяного торговца или его слуг, которые до этого мальчишку угощали.

Вот только вечером неизменно находился рядом с Амином, изводя нытьем и капризами. Поэтому когда солнце село, а мальчик вместе с верблюдом вдруг куда-то слинял, Амин забеспокоился: либо очередная каверза, либо... ну не мог же несносный мальчишка потеряться по дороге! Это сложно – караван большой... если только совсем заснул и свалился с верблюда... но тогда тот бы все равно шел рядом...

Амин бесцеремонно бегал от костра к костру, беспокоя отдых уставших караванщиков, расспрашивая про мальчишку. Пока не услышал:

– Эй, ибни, твоего сорванца не Валидом зовут?

Высокий пожилой бедуин (с красно-белым платком-куфией, прикрывающим седые волосы и отчасти – морщинистое, обожженное солнцем лицо) щербато улыбнулся.

– Идем, отведу.

Конечно, мальчишка уже напросился кому-то в шатер «в гости». И только Амин хотел его увести, как возмутился не только «сорванец», но и хозяева – о гостеприимстве бедуинов ходили легенды. Рассказывали, что сам месяц-Вадд порой спускался к пустынным – испить чашечку горького ароматного кофе. Оттого и была ночь так благосклонна к кочевникам – намного приветливей, чем сестра Вадда – яркая Аллат.

Бедуин, в чей шатер забрался Валид, путешествовал с тремя детьми, младший казался ровесником Валида. «Пусть их», – наливая Амину кофе, улыбался бедуин.

Амин со вздохом согласился и попытался поддержать разговор хозяина и пришедших к нему друзей. Но любая речь в конце концов сводилась к верблюдам, а в них юноша не понимал ничего.

– Что это у тебя?

Амин вздрогнул, поняв, что задремал во время очередного рассуждения о том, какая верблюдица лучше.

Один из гостей, до боли напоминающий хозяина шатра – видать, родственник, – указывал на выглядывающую из-за пояса юноши джамбию.

Амин нехотя достал кинжал.

Бедуины восхищенно затараторили, перейдя на свое наречие. Клинок пошел из рук в руки. Добрался до хозяина.

– Сталь древних! – восхищенно причмокнул пожилой бедуин. – Сокровище у тебя, ибни, береги его. Говорят, сталь древних – дом для джинна...

Детвора, крутившаяся неподалеку, тут же насторожилась. Зашуршала тихонько: «Расскажи, расскажи», – предвкушая интересную сказку.

Кочевник улыбнулся, отдал джамбию Амину и смилостивился.

– Ну хорошо. Слушайте...

Амин снова задремал, уплывая в уютном аромате кофе. Рядом примостился Валид, положив голову юноше на колени и тихонько посапывая во сне.

– ...Так же марида, – раздавалось сквозь дрему, – вторые по силе из джиннов. Больше всего они любят загадывать загадки и если смогут запрыгнуть на плечи, то свесят уродливые ножки. И так их не скинешь...

Восхищенно-завороженно ахали дети, наверняка не раз и не два слышавшие эти истории.

– ...или любимое дитя Аллат – солнечная птица Анка, птица-совершенство, – Валид завозился, и Амин на мгновение вынырнул из дремы. – Нет для нее ничего важнее, чем потомство, за украденных детей жестоко мстит Анка...

Валид зевнул, напомнив забавного, еще не продравшего глаза котенка.

Тихая, незаметная женщина подлила в чашку юноши кофе, и Амин не удержался, потянулся. Аромат с резкой «перчинкой» чуть взбудрил.

– ...Но нет никого прекрасней хумай, желанием именуемой. А так это потому, что желанна хумай каждому, и потому, что исполнит она любое желание...

– А как поймать ее? – спросил кто-то из детей.

Амин, улыбаясь, осторожно глотнул горячий напиток. Поймать хумай... Джинны жили рядом, богов видели все – как видели солнце и луну. Но хумай была так же призрачна, как и любая мечта. Бывший практичным Амин считал, что не имеет роскоши верить в нечто настолько эфемерное. Да даже и существуй такая птица, проблем с ней, наверное, не оберешься...

– Никому не дастся в руки птица-желание, – тоже улыбнулся бедуин, потрепав по волосам младшего сынишку. – Суть ее – свобода. Однажды месяц-Вадд, плененный красотой чудесной птицы, предложил ей стать его женой. Но хумай лишь рассмеялась в ответ – даже желания бога не всегда выполнимы. Не хочет быть связана хумай – ничем. Но рассказывают, – понизил голос караванщик, – что как-то раз прекрасный юноша-колдун смог найти хумай и даже забрать драгоценное перо из ее хвоста. И так он был хорош собой, и смел, и умен, что пленил птицу-желание. Хумай осталась с ним и пела только для него. И умер тот юноша счастливейшим человеком...

Амин закрыл глаза, вспоминая, как еще в детстве сам слушал эту историю. И отчаянно хотел тоже поймать неуловимую птицу, исполняющую желания. А потом вырос и история позабылась. Если джинны и боги были реальностью, то парящая где-то над миром прекрасная птица давно стала мифом... Детские мечты... Неужели когда-то он, как и эти дети, верил, что подрастет и поймает свою удачу? Взрослые добиваются исполнения мечты – и только дети верят в сказку о неожиданно свалившемся чуде.

Валид снова завозился. Худенькая ручка потянулась, безошибочно цапнула плоску с подслащенным верблюжьим молоком.

– Ты жесткий, – капризно надул губы мальчишка. Сонно щурясь, пополз к остальным детям.

На ночь Валид тоже куда-то исчез. Амин лежал, глядя на необъятную дорогу-небосвод, на ярко сверкающие фонарики звезд. Кажется, протяни руку... Ан нет, звезду с неба достать так же сложно, как поймать хумай...

– Просыпайся! – шипели над ухом. – Да вставай же!

Амин вздрогнул. Полоска горизонта только-только посветлела. Кому не спится?.. Впрочем, можно и не спрашивать.

– Что б тебя ифрит забрал! – буркнул Амин, переворачиваясь на другой бок. И тут же получил ошутимый пинок в бок.

– Вставай!

На плече у мальчишки болталась вещевая сумка Амина.

– Эй! – вскинулся юноша, представив, что будет, если мальчик в ней еще и покопался. – Кто тебе разрешил ее бра...?

Валид, не дослушивая, схватил его за руку и потащил прочь от лагеря, ни на мгновение не останавливаясь.

Когда Амин опомнился, караван еле виднелся за барханами.

– Ты сдурел?! – воскликнул юноша, останавливаясь. – Что на тебя нашло? Возвращаемся!

Мальчишка оглянулся и вдруг выдохнул:

– Жить надоело? Чем дальше мы уйдем, тем лучше, – и приказал: – Шевелись!

– Одни в пустыне, без проводника? – фыркнул Амин. – Ну хватит, твоя шутка зашла слишком далеко. Возвращайся... – и замер, не успев договорить.

Заслоня стремительно поднимающееся солнце, громадная тень скользила по розовому небу, разгоняя сизые клочки облаков.

Запрокинув голову, Амин всматривался – и не верил глазам.

Тень превращалась в огромную птицу.

Что-то пискнул Валид и дернул обалдевшего юношу за руку. Амин неловко упал – тень пронеслась над ними, направляясь к лагерю караванщиков.

– Что это?! – успел произнести юноша, прежде чем туча песка волной накрыла его и мальчишку.

На какое-то время померкло солнце, и воздух весь пропитался серо-желтой пылью. Земля ходила ходуном, барханы бежали, накатываясь друг на дружку, погребая под собой скорчившегося Амина и судорожно вцепившегося в него мальчика.

Потом вдруг все резко кончилось. Песок успокоился, ветер исчез, и солнце, уже достаточно поднявшееся, вновь засияло на пронзительно-голубом небосклоне.

Вынырнув из накрывшего их бархана, Амин выбрался на воздух и вытянул без остановки кашляющего мальчика. Хвала Манат, вместе с Валидом тут же нашлась и сумка, а там – фляга с водой.

Амин сплюнул забившийся в рот песок и осмотрелся. Пустыня ничуть не изменилась, только вдаль по-прежнему отдельными островками шатров виднелся караван. Теперь, правда, странно тихий.

– Стой! – прохрипел Валид, когда юноша бросился в ту сторону. – Стой, нельзя! Там еще может быть опасно!

– Опасно? – выдохнул Амин, оборачиваясь. И за спиной мальчика увидел улетающую к горизонту крылатую тень. – Что, шайтан тебя забери, это было?!

Тень превратилась в точку, собираясь и вовсе исчезнуть за куцыми облаками.

– Анка, – тихо откликнулся мальчик.

Амин уставился на него.

– Кто?!

– Анка, – повторил мальчик. – Птица-совершенство.

– Тебе совсем голову напекло? – пробормотал Амин, отказываясь верить. – Она нападает только на корабли, – и, не обращая больше на Валида внимания, направился к лагерю...

...которого уже не было. Амин заворуженно смотрел на погребенные под песком туши верблюдов, сорванные палатки, человеческие тела в заляпанных кровью бурнусах...

– Она на всех нападает, – раздался рядом голос Валида, и Амин вздрогнул от неожиданности. – На всех, кто посмел тронуть ее детеныша.

Амин медленно шагнул в сторону... и споткнулся, наткнувшись на тело мальчика – кажется, сына того бедуина, что вчера их угощал. Мальчик был погребен под песком почти полностью, наружу выглядывало только бескровное лицо да рука со скрюченными в предсмертной судороге пальцами.

– Пойдем отсюда, – тихо сказал Валид, подходя к юноше и равнодушно глядя на тело. – Нам с ними больше не по пути.

Амин медленно обернулся. И только и смог выдохнуть:

– К-к-какого... детены... ша?

Мальчик пожал плечами.

– Один из торговцев вез ее яйцо. Я ночью случайно наткнулся... Он думал, это окаменевшая реликвия. Люди вечно их путают. Не знают, как выглядят яйца, которые высиживает Анка... Пойдем, Амин.

Юноша послушно шагнул следом, но, споткнувшись о чье-то тело, резко выдохнул. Посмотрел на ждущего рядом мальчика так, словно видел первый раз.

– Ты знал...

Валид вскинул брови.

– Знал, что она... она прилетит, – заикаясь, выталкивал слова Амин. – И никого не предупредил...

Мальчик нахмурился.

– Почему? Я же увел тебя.

– Меня, – эхом повторил юноша. – Только меня?!

Мальчик снова пожал плечами.

– Ну да. А что такого? Пойдем, солнце уже высоко. Скоро вообще идти невозможно будет.

– Ты убил их, – шепнул юноша, не слыша. – Всех. Кочевника, который вчера угощал тебя сладостями, торговца, давшего тебе верблюда... даже детей, с которыми вчера играл!

Валид устало вздохнул и, обращаясь, кажется, к небу, протянул:

– Никогда не понимал, почему вы, люди, так благоговеее перед смертью. Идем уже.

Амин отшатнулся, когда мальчик подошел к нему и попытался взять за руку.

– Почему ты спас меня?

Валид скорчил усталую мину.

– Ну ты же хотел сразиться за царевну? Мертвым ты этого сделать не сможешь. Все, идем.

Позже, шагая вслед за бредущим по колено в песке мальчиком, Амин выдохнул:

– Ты кто угодно... но не человек, – и слабо простонал: – Я хочу, чтобы это...

«Я хочу, чтобы это было сном», – пытался сказать юноша, но не успел. Валид, быстро развернувшись, подскочил к нему и закрыл рот рукой.

– Никогда, – прошипел он, и Амин с удивлением услышал в его голосе незнакомые скрипучие нотки, – не говори при мне эти слова. Никогда!

– А спросить, куда мы идем, можно?! – не выдержал Амин, когда солнце стало клониться к горизонту, а мальчик так и продолжил целенаправленно шагать невесть куда.

Валид обернулся, и юноша вздрогнул от удивления – мальчик точно усох за этот день, осунулся, под глазами залегли глубокие тени.

Впрочем, вряд ли сам Амин выглядел лучше.

– Туда, – буркнул Валид, отворачиваясь.

– И что там? – поинтересовался юноша, вполне ожидая услышать, что этот странный мальчишка знает все секреты пустыни.

Валид пожал плечами.

– Понятия не имею. А что?

Амин задохнулся.

– Ты дорогу... не знаешь? – выговорил он, наконец.

– Не-а, – равнодушно откликнулся мальчик. – А что, бедуины разве так путь указывают? Они тоже идут куда глаза глядят.

Амин застонал – про себя.

На ночь они остановились у россыпи камней, выглядывающих из-под песка, точно клыки диковинного зверя. В подобных местах у бедуинов располагались колодцы, и Амин надеялся найти здесь воду.

Зря.

Юноша проверил сумку и помрачнел: мальчишка не только не потрудился спасти караванщиков, он еще и не подумал положить лишнюю флягу или что-нибудь из еды, прежде чем убегать. Потом забирать это было бы поздно – красть у мертвецов никто бы не решился. Хотя... скоро они сами присоединятся к погибшим караванщикам. И, судя по тому, что воды на доньшке, а еды почти не осталось – очень скоро.

Насупившийся, странно тихий мальчик сидел, глядя в небо.

– Ты умеешь предсказывать будущее? – спросил Амин, без сил ложась рядом на песок.

– Я похож на гадалку? – фыркнул мальчик.

– Ты вообще на человека не похож, – отозвался юноша, закрывая глаза.

Болела голова, в горле пересохло, и лучше бы попытаться заснуть, а не разговаривать. Но Амину просто было страшно. Слишком тихо, непривычно – после шумного каравана. Пустота впереди, верная смерть... и все. Поворачивать уже некуда.

Валид долго молчал, но потом неожиданно спросил:

– Почему? У меня человеческое тело. Я чувствую боль. Усталость. Страх. Что же еще нужно?

– Ты не умеешь сочувствовать, – сонно откликнулся Амин.

– Сочувствовать? – вскинул брови мальчик. – Не понимаю. Сочувствовать кому? Тебе?

Амин слабо улыбнулся.

– Тебе не жаль мертвых...

– Чего их жалеть? – перебил Валид. – Поверь, они в лучшем положении, чем мы. Их не мучает жажда, голод, жара. Им там хорошо.

Амин вздохнул. Для него подземные чертоги Вадда никогда не были чем-то «хорошим».

– Не думаю, что они хотели умирать, – только и сказал он. – И я не хочу.

– Ты боишься, – протянул мальчик.

– Да, – вздохнул юноша.

– Ты прав, – помолчав, сказал Валид. – Наверное, я и правда не всегда похож на человека. Я просто не понимаю, что страшного в смерти. Неизвестность? Ты не хуже меня понимаешь, где окажешься. Суд Манат? Не глупи, Амин, там судят справедливо. Не так, как у вас, людей. А Вадд, конечно, тот еще угрюмый тип, но его вполне можно терпеть. С ним легче, чем с тем же... как того бурдюка звали?

Амин смотрел на разглагольствующего мальчишку, не сводя глаз.

– Ты... ты говоришь так, будто ты там был. Ты общался с Ваддом? С богом?

– Как с тобой, – улыбнулся мальчик. – Во-о-от, и это я тоже не понимаю. Благоговение перед богами. Чего ради строить храмы, поклоняться? Вы, правда, думаете, что без вашей веры солнце не взойдет и слепая Манат перестанет прясти?

Амин против воли улыбнулся.

– Мы просим их о милости... – начал он.

– Наивно веря, что они до вас снизойдут, – ехидно закончил Валид. И тут же зло добавил: – Плевать им на вас. И на всех, кроме разве что самих себя. А вы выдумываете такие красивые легенды – ах, Аннат, ах великая мать, ах... Кстати, вот еще, никогда не понимал, ну а в матерях-то вы что нашли? Смотришь, бывало, и поражаешься: валиде-султан, мать правителя, так сыном и вертит, так и вертит. А тот, покоритель других земель, слова поперек ей сказать не способен. У вас это даже добродетелью зовется. Любовь сыновья, – выплюнул мальчик. – Вот ты, – он повернулся к Амину, – тоже наверняка возразить своей не можешь? Почтительный сын, ты же у нас весь такой правильный...

– Я не знаю своей матери, – тихо произнес Амин.

Мальчик замолк, удивленно глядя на юношу. Амин тоже посмотрел на него и отвел взгляд.

– Она тебя бросила? – поинтересовался, наконец, Валид.

Амин хотел промолчать. Но почему-то ответил:

– Не знаю. Может быть. Она была одной из наложниц, одной из гарема. Детей у таких забирали, – Амин помолчал и, вдруг сев, повернулся к мальчику. – А оттуда, откуда ты смотришь на людей, ты никогда не видел, как младенцев забирают? Нет? Как матери плачут, как сходят с ума? Для тебя такая любовь, может, и ничто, но... – Амин запнулся, с удивлением понимая, что не может найти слов. В груди что-то противно сжалось, когда знакомая картинка пронзила память.

– Отчего же, – откликнулся мальчик. – Видел. И не раз. Потом они зовут меня. Идут ко мне, сбивают ноги в кровь. Лишь бы... лишь бы поймать... лишь бы... себялюбивые дуры! Им плохо – пусть и мне станет хуже, да?

– Ты не умеешь любить, – заключил Амин, снова укладываясь и отворачиваясь от мальчика.

– Нет, – тихо откликнулся Валид. – Не умею, – и принялся насвистывать какую-то тихую мелодию.

Амин слушал ее, пока не уснул.

Вадд-месяц, пропутешествовав по небу, исчез под землей, не заметив двух спящих путников в пустыне. И правда, зачем – все равно оба скоро окажутся в его царстве...

Амин проснулся от хриплого визга. Кричал Валид, на груди у которого преспокойно ползал здоровенный скорпион.

– Убери его! У-убери! – выл мальчишка.

Амин только улыбнулся – Валид, ночью рассуждавший о богах, надрывается, видя обыкновенного скорпиона.

– Я-а-а тут н-не буду б-больше... – дрожащим голосом непонятно бормотал Валид. – Н-н-не... Пойдем!

Амин, с трудом встав, позволил себя увести.

Солнце поднималось быстро, и так же быстро начиналась жара. Пот заливал глаза, щипал. Амин, пошатываясь, вяз в песке и даже не сразу заметил, как бредущий впереди мальчик неожиданно упал.

– Валид? – прохрипел юноша, наклоняясь над ним и одновременно пытаясь нащарить флягу.

Мальчик дрожал, задыхаясь на руках у юноши. Потрескавшиеся губы казались черными. Амин смочил их остатками воды, принялся ощупывать мальчишку. И быстро нашел небольшую вспухшую ранку на груди – скорпионий укус.

Прижигание не помогло. Высасывать яд, похоже, было уже поздно, хоть Амин и честно попытался. Валида лихорадило, в себя он не приходил, и очень скоро начал бредить.

Амин нес его на руках, сам не понимая зачем. Куда он идет – вокруг далеко-далеко одна лишь пустыня. Вечером, стоило солнцу зайти, юноша без сил рухнул на песок, мечтая о глотке воды. Ее не было – на мечущегося в бреду мальчика ушли последние капли.

Ночь поднялась – беззвучная, как и всегда. Невозмутимо выехал на черную звездную дорогу Вадд. Под его мертвым светом бьющийся в судорогах мальчик сам казался видением из подземного мира. Кусая губы, Амин держал худые руки ребенка, не давая тому поранить себя.

Месяц-Вадд равнодушно взирал на них с высоты и подгонял серебряных быков.

К рассвету Валид затих, но еще дышал. Амин с трудом встал. Земля и небо кружились перед глазами.

Юноша медленно наклонился поднять мальчика... и упал рядом.

– Оставь... меня, – хрипло выдохнул Валид, глядя на него сквозь полуопущенные веки. – Иди... к вечеру... доберешься... до воды.

– Откуда ты знаешь? – с трудом ворочая распухшим языком, пробормотал Амин, закрываясь от солнца. – Ты же... не... предсказатель.

– Я... соврал, – шепнул мальчик. – Иди.

Амин молча поднялся. Сделал два шага. Налетевший ветер кинул песок в лицо. Поползли барханы, и, когда юноша зачем-то оглянулся, от мальчишки на поверхности виднелась только голова – ужасно напоминая труп ребенка из каравана.

Амин до крови закусил губу, и, слизывая соленые капли, взвалил дрожащего мальчика на плечо.

– Дурак, – шепнул Валид, закрыв глаза. – Ты... не... дойдешь.

В полдень Амин рухнул в песок. Уложил рядом затихшего мальчишку. Голова нещадно кружилась, глаза слипались. Песок драл горло.

«Еще чуть-чуть, – подумал Амин, закрывая глаза. – Я поплю совсем чуть-чуть... немного. А потом... пойду... дальше», – в глубине души прекрасно понимая, что больше не встанет. Но ему было уже все равно. Сил не осталось.

Ветер гнал барханы, те напозлали друг на друга, и Амину казалось, что он ныряет глубже и глубже в воду... целые реки... нет, моря воды... Вкусной, сладкой... он пьет, захлебывается, но все равно пьет, а прохладные струйки текут по подбородку на грудь, журчат, звенят так красиво, так...

– Тише, тише, – шепнул на ухо незнакомый голос. – Осторожнее.

Громадным волевым усилием, Амин оторвался от благодатного источника и открыл глаза. Перед самым носом ожившей мечтой серебрилась вода. Амин наклонил голову, желая коснуться, понять, что она реальна, но его аккуратно остановили и помогли повернуться.

– Тише, не утопись, – произнес тот же голос.

Амин моргнул, пытаясь разобраться, что за тень нависла над ним.

– Я уже умер? – вырвалось против воли.

– Еще нет, приятель, – усмехнулась тень. – Но был весьма близок.

Амин с трудом сел. В лунном свете тень приобрела очертания юноши-бедуина – открытое лицо, темные, сверкающие глаза, короткие курчавые волосы под платком-куфией... Амин, морщась, повернул голову. Верблюд обнаружился рядом – «корабль пустыни» степенно возлежал неподалеку, величественно жуя и явно от души этим занятием наслаждаясь.

– Еще воды? – предложил бедуин, возвращая внимание юноши к себе. – Пей пока, сколько влезет.

Амин глубоко вдохнул.

– Со мной был мальчик. Что с ним? – быстро спросил он, ожидая услышать в ответ: «Умер».

– Дрыхнет, – огорошил его бедуин, указывая куда-то влево. – Живучий он у тебя, слава Вадду. Я, когда вас нашел, он и не дышал почти. Я думал – все, концы отдаст. Его еще и покусали, к тому же. Ан нет, стоило напоить – ожил. Да ты не волнуйся, я ему снадобье одно дал, к утру в себя придет, живее всех живых будет. Раз до сих пор не помер.

– Спасибо, – с чувством произнес Амин, глядя на кочевника. – Спасибо. Ты... ты нам жизнь спас.

– Все в руках Манат, – усмехнулся юноша.

Месяц-Вадд равнодушно стегнул серебряных быков, и те быстро понесли его по небу. Ну сбежали из его царства две тени, так то проделки Манат, а с ней, как известно, не поспоришь.

Амин наслаждался плеском воды в небольшом озерце, приятной прохладой травой. Маленькая зеленая каемка – и вездесущие пески, суровыми стражами обступившие оазис.

– Анка? – изумился юноша-бедуин, назвавшийся Бакром. – Да ладно! Рассказываешь!

Амин только печально качал головой, а Бакр подливал ему кофе. Для пустынника джинны были не в новинку – особенно злобные гули. Но птица Анка – что-то сказочное, недостижимое.

– Ну и везучий ты тогда, парень! – усмехнулся Бакр, качая головой. – От Анки ушел, я на тебя наткнулся – случайно. Благословила тебя Манат, не иначе.

Амин только молча глотнул пряный напиток.

Благословила, как же! Так благословила...

Рассказ о царевне из Гарибы не произвел на молодого бедуина впечатления.

– Опять гули расплодятся, – только и сказал он, хмурясь, – когда эти юные идиоты через пустыню попрутся. До Гарибы же как до Вадда. Ха – до подземного царства и то ближе, – хмыкнул он, довольный шуткой. – Нет, повезло тебе... Смотри, я тебя сейчас до Иляфы отведу,

так уж и быть. Мы там чужаков вообще-то не любим, но ты мой гость, так что... А потом найдем тебе проводника до Мисбаха, там торговцев полно, что-нибудь придумаешь.

– Да будет с тобой милость Манат, – сказал Амин, низко кланяясь.

– Лучше Вадда, – подмигнул кочевник. – Ну их, этих женщин...

Проснулся Амин еще до рассвета. Полоска горизонта лишь слегка посветлела. Бакр спал, рядом так же степенно возвышался верблюд. А на берегу, захлебываясь, почти окунаясь с головой, пил Валид.

– Ты дурак, – мрачно заявил мальчишка, отфыркиваясь. – Почему ты меня не бросил?

Амин не выдержал, потрепал влажные кудри. Мальчик отступил на шаг, глядя на него снизу вверх.

– Это из области того, человеческого, что ты не понимаешь, – улыбнулся юноша. – Люди помогают тем, кто рядом.

Мальчик тихо хихикнул.

– Ты не просто дурак, – сказал он, кривя губы в недетской гримасе. – Ты наивный дурак, что много хуже. Тебе не только на троне не сидеть, ты и царевну не получишь. Тебя убьют раньше – с таким представлением о жизни. Лучше вернись назад, Амин. Еще не поздно.

– Пока некуда возвращаться, – уклончиво ответил юноша. – Нас проводят до Иляфы.

– Иляфа, – протянул мальчик кривясь.

– Бывал? – хмыкнул Амин.

– Бывал, – отозвался мальчишка, пятерней пытаясь причесать волосы. – Рассадник гулей.

– Что? – удивился Амин, садясь ближе. – Иляфа – чистый город бедуинов, это же известно. К нему никакие гули подойти не смеют.

– Ага, – мрачно усмехнулся Валид. – А ты знаешь, почему не смеют? – Но, встретившись взглядом с юношей, отмахнулся. – Ладно, не бери в голову. Гостям там безопасно, гости священны. И кофе там вкусный. А шрак, хлеб их местный, какой раньше делали – пальчики оближешь...

Амин нахмурился. Что-то мальчишка снова не договаривал. Или опять врал?

– Так ты умеешь видеть будущее? – тихо поинтересовался он, вспомнив обещание добраться до воды.

Валид поднял глаза к порозовевшему небу и вздохнул.

– Ну, умею. Иногда.

– Иногда?

– Будущее, не связанное со мной, джиннами и богами, – нехотя откликнулся мальчик. – Человеческое – легко.

– Я смогу победить в Испытании? – быстро спросил юноша. – Султан Гарибы меня поддержит?

Валид посмотрел ему в глаза и, неприятно улыбаясь, выдохнул:

– Нет.

* * *

Пекло.

Солнце нещадно сияло на голубой, без облачка, небесной дорожке. Аллат вышагивала по ней во всей красе, сверкая длинными золотыми волосами. Песок в ответ загадочно мерцал – то белым, точно жемчуг, то розовым, как светлый аметист. Амин снова утопал в нем, но теперь идти было куда приятней. По крайней мере, сейчас он точно знал, куда они направляются.

– К вечеру будем в Иляфе, – пообещал Бакр.

Амин много слышал про этот город-мираж. Бедуины редко приводили туда чужаков, караваны всегда обходили это место стороной. Но именно в Иляфе располагалась своего рода

столица кочевников... если таковая вообще могла быть. Побывавшие в ней рассказывали о чудесах из камня, изумительных пещерах, дворцах в скалах и красном лабиринте.

Лабиринт и правда существовал – в скалах. Монолитной, громадной стеной они вырастали из песка, заставляя вспомнить сказки о творениях джиннов. Сложно было представить, что подобное возникло естественным путем.

Ветер вздымал песок, и он вихрем, клочками дыма метался, бился о скалы, залетал в змеистые проемы-проходы, совершенно одинаковые на первый взгляд. Большинство из них Бакр пропустил, и Амин совершенно не понимал, почему. И дальше, когда они оказались в узеньком коридорчике, который пересекали десятки похожих, как песчинки, проходов, юноша удивлялся, как бедуин находит дорогу – никаких опознавательных знаков не было.

– Камни и песок говорят со мной, – улыбнулся Бакр, когда Амин не выдержал и задал вопрос. – Просто я слышу. Вы, побережники, не способны понять пустыню. Вас не любит Вадд.

Не поспоришь. Амин и не стал – он шел следом за бедуином, предпочитая восхищаться красотой места: плоскими, словно специально стесанными ало-розовыми каменными «стенами», волнистыми узорами на них, причудливым солнечным светом, ярко-синим небом над головой, похожим на спокойную речушку. И запахом – не пыли, а свежести. И древности – старых-старых камней. Они могли бы порассказать такие истории, которыми заслушались бы, наверное, даже джинны...

Валид посапывал, уютно покачиваясь на верблюде.

– Брат твой? – еще утром поинтересовался Бакр. – Забавный. У меня девчушка такая же. Шустрая! Твоего братишку скучать не заставит.

Амин только усмехнулся. Его «брат» сам кого хочешь развеселит...

Дорогу в «город» бедуинов преграждали ворота – вырезанные в камне, украшенные башенками, изящные, хоть уже и оплывшие от времени, точно Аллат расплавила их своим взглядом.

Небесная госпожа как раз куталась в алую накидку, уступая место брату-месяцу, когда невозмутимый Бакр, ведя на поводу столь же невозмутимого верблюда, провел гостей через темные арки – проемы ворот.

Амин вздрогнул, когда в сгустившейся темноте засияли знакомые значки-письмена на покатых стенах.

– Не один дух не пройдет незамеченным, – улыбнулся Бакр. – Только люди. Иляфа – чистый город.

Амин покосился на шагающего рядом мальчишку. Валид широко зевнул и раскинул руки, точно расправляя невидимые крылья. И на мгновение юноше почудилось, что длинная же, крылатая тень заслонила вязь знаков. Но тут же исчезла. Заходящее солнце, конечно, играло с воображением.

А потом юноша и думать об этом забыл – проход кончился, почти оборвался на краю площадки, от которой вниз, в плоскую, как чаша, долину, вела широкая лестница.

Вся долина пестрила шатрами. Большие, малые, они клубились дымком, пахли кофе и пряностями, вздрагивали на ветру – изящные, гордые, точно дворцы. А настоящие, но давно оставленные дворцы, и правда вырезанные прямо в скалах, завистливо смотрели вниз черными провалами дверей и окон. От них тянуло только сыростью и могилой.

– Эй! Ну, чего застыл? – толкнул его Валид. – Вон, наш проводник уже внизу почти. Мы тоже вниз по дороге пойдем, или по лестнице?

Амин побежал по лестнице, сам чувствуя себя ребенком – странная, непонятная радость уютно угнездилась в сердце. Словно легендарная хумай махнула крылом, заставляя забыть обо всем, кроме очарования ночи и надежды на теплую встречу.

Пустынники не зря славились гостеприимством.

На чужаков косились, конечно. Особенно дети – показывали пальцем, хихикали, дергали Валида за руку. Мальчишка поджимал губы и степенно, точно верблюд, вышагивал между шатрами.

– Не смущайся, – поддел его Амин. И, вслушиваясь в разговоры вокруг, добавил: – Вечером после молитвы Вадду, половина из них явится к нашему проводнику. Думаешь, сможешь тогда спрятаться?

– Я все могу, – буркнул в ответ мальчик.

Амин усмехнулся, но промолчал.

Никуда Валид, конечно, не спрятался. Морщился, хмурился, когда бойкая сестра Бакра – тоненькая, как веточка, девчушка, перекидывая с плеча на плечо тяжелые черные косы, с детской непосредственностью выпрашивала у мальчишки про его приключения в пустыне. Но очень скоро Валид поддался девичьему очарованию, приосанился... Амин с удивлением узнал, что их встречали джинны – что там, чуть не все войска Иблиса. И как отважно Валид с ними сражался! Чтобы показать как, мальчишка даже канючил у Амина джамбию, но, получив от ворот поворот, обошелся подручными материалами – камнями и ветками.

Девчонка – Гувейда – заливисто смеялась и пыталась поймать Валида на вранье. Но мальчишка каждый раз змеей изворачивался и лгал пуще прежнего.

После молитвы Вадду был, конечно, кофе и тонкий, точно лепешка, хлеб-шрак. И разговоры, разговоры. Разомлевший Амин слушал степенные речи пустынников, своей неторопливостью сравнимые с походкой верблюда. Так что, когда в мерную речь ворвались задорная мелодия барабана-таблы, юноша вздрогнул. И, заметив, что дети, да и вся молодежь потянулись из шатра, тоже вышел на свежий воздух.

Барабанщики сидели кругом, а в центр то и дело выбегала детвора – похлопывали себя по бедрам, кривлялись, извивались, изображая не то змей, не то тех же верблюдов. Мелькнули косы Гувейды, барабаны чуть сбавили темп, изменили ритм, и Амин фыркнул: в круг вслед за девчонкой выбежал Валид. Кто-то из барабанщиков заливисто засмеялся, а мальчишка, распахнув руки-крылья закружился, точно дервиш. Вздрогнули в мелкой тряске бедра, заскользили руки, изогнулась в волне спина... Амин вздохнул – перед глазами на мгновение встала черноокая танцовщица с саблей на голове, изгибающаяся под нежно-неторопливую музыку...

– Тебе бы канон танцевать, Вадда славить, – произнес кто-то совсем рядом. Амин открыл глаза: довольный мальчик, сдувая волосы со лба, наслаждался всеобщим вниманием. – Цены бы не было.

– Да какая цена! А то женские пляски... Но хорош, хорош...

– Ты где научился? – усмехнулся Амин, когда Валид подошел к нему. – Красиво.

– Ха! – хмыкнул мальчик. – Ты бы видел, как я... А! – и, не договорив, подскочил к крутящейся рядом Гувейде.

Пляски и музыка продолжались чуть не до рассвета. Зато стоило Аллат взойти на небесную дорогу – долина точно вымерла. Шатры сиротливо жарились под солнцем, ветер задумчиво перебирал темную тонкую ткань из козьей шерсти.

– По пещерам один не ходи, – буркнул Валид, когда Амин прошел мимо посапывающего мальчика. – Хочешь, я тебя провожу?

– Здесь же нет джиннов, – поддел его юноша.

– Вот только джиннов здесь и нет, – непонятно откликнулся Валид, вставая. – Ладно, пойдем, раз тебе не спится. И лучше бы нам прогулять до ночи, тут вечером такое начнется...

– Что? – заинтересовался Амин.

Мальчик в ответ только хмыкнул.

– Не забивай себе голову, о мой правильный человеколюбивый почти-пустынный. Лучше подумай, куда нам дальше идти.

– Почему ты сказал, что я не пройду Испытание? – спросил Амин, карабкаясь вслед за мальчиком по пыльной крутой лестнице, вырезанной в скале. Вид внизу открывался захватывающий, но юноша побаивался, что неверный шаг – и насладиться им он уже не сможет.

– Потому что не пройдешь, – отозвался мальчик. – Кто женится на царевне, может стать султаном. А султаны – они такие: коварные, хитрые и жестокие. То есть вообще не ты.

– Неправда, – через паузу выдохнул Амин. – Не все.

– Ты видел много султанов? – повернулся к нему Валид.

Амин отвел взгляд.

– Некоторых – видел.

– Странный ты, – мальчик отвернулся и снова полез по ступенькам. – Не будь таким наивным, я бы решил, что ты – сбежавший сын какого-нибудь эмира.

Амин натянуто рассмеялся.

– Но вот они-то как раз наивностью не страдают... – закончил мальчик. – Ладно, пришли мы. Тебе какая пещера больше нравится?

Амин вслед за мальчиком вскарабкался на последнюю ступеньку и замер. Громадные, в четыре человеческих роста колонны выросли перед глазами, точно изящные пучки тростника, поддерживая узорчатые арки, поражающие богатством каменной росписи. Три прохода уводили вперед, вправо и влево. Дальше, насколько хватало глаз и солнечных лучей, их пересекали витые лесенки, коридоры и балкончики.

– Ты называешь это пещерами? – выдохнул Амин.

Валид грустно усмехнулся.

– Только пещеры нынче и остались. Ты не видел, как здесь было раньше... Сейчас, – мальчик задумчиво погладил каменную завитушку, – все умирает. И этот город давно уже мертв. Посмотри, он похож на оплывший свечной огарок... Кстати, ты догадался захватить факел?

Амин растерянно посмотрел на темноту арок.

– Нет...

Мальчишка фыркнул, демонстрировано потряхивая чьей-то дорожной сумкой.

– Хорошо, что я такой умный... Зажжешь?

* * *

– Тебя в детстве не учили, что красть – плохо?

Валид улыбнулся, снова тряхнув сумкой.

– Меня в детстве вообще ничему не учили. У меня и детства-то не было, к твоему сведению, че-ло-век.

Амин оторвался от изучения богатой росписи, изображавшей не то какого-то правителя в окружении слуг, не то верховного жреца во время ритуала.

– Валид... разве в Иляфу могут пройти джинны? – вскинув бровь, поинтересовался юноша. – Я помню, что гласило заклинание на входе. Очень сильное, и ни один джинн, даже ифрит, не проникнет на территорию города. Что тогда ты здесь делаешь?

– Сколько раз тебе говорить, – скривился мальчик, – не джинн я. Ну? Запомни, наконец, и хватит приставать ко мне с этой чепухой.

– Тогда ты бог, – усмехнулся Амин. – Но на бога ты похож, как я – на сына эмира.

Валид хихикнул.

– А что, кроме джиннов, богов и людей больше никого не существует?

– Иблис? – быстро предложил юноша, холодея от одной догадки.

Мальчик уставился на него. Потом на темноту за спиной. И громко прошептал:

– Не поминай его имя так близко к земле, о мой неосторожный друг, – и тут же, меняя тему, спросил: – Куда дальше – к амфитеатру или в подземные палаты?

– Палаты, – эхом откликнулся Амин. – Но если не он, тогда кто же ты?

Валид шмыгнул в один из коридоров и, дурачась, ухнул. Эхо далеко разнесло звук. Далеко... вниз.

– Ты скажешь мне, кто ты, я скажу тебе, кто я, – заявил мальчик, когда юноша шагнул за ним.

Амин поднял факел повыше, разглядывая темный коридор.

– Не поверю, что ты не знаешь, о мой вещий друг, – отозвался он, передразнивая мальчика.

Тот насупился.

– Твоя судьба связана с моей. Поэтому – нет, не знаю. У всего есть предел, Амин.

– У всего, кроме знания, – поддел его юноша.

Мальчишка усмехнулся и пошел рядом. Амин, задрвав голову, разглядывал узоры на потолке.

– Сколько им лет? – выдохнул он.

– Много, – откликнулся мальчик, покосившись наверх. – Фараон Аун-Ка-Ин-Тех был порядочной сволочью и не менее порядочным тупицей, но его советники, когда еще не перегрызлись за трон, обожали дарить впадшему в детство правителю подарки, украшать его комнаты... Вон он, в окружении наложниц, в центре – видишь? Это он тут такой весь из себя, а на самом деле, ты бы видел – тучный, что ваш бурдюк, головка лысая и слюни пускал по каждой красотке. А под конец жизни вообще мальчишками увлекся. Но народ его боготворил – солнце наш, дескать, Вадд тебя тоже любит. В его правление засухи ни разу не было – тут же река раньше текла, красивая, зелень вокруг, все такое...

– Ты это... помнишь? – изумился Амин. – Ты это видел?

– Видел, – протянул мальчик. – Я все видел. Как голову фараона на пику вздернули. Как вырезали его гарем. А потом – и советники друг друга. Как народ подышал, когда пустыня сюда добралась. Как их кочевники вырезали целыми кварталами. Эти пещеры плавают в крови и слезах... как и все, что вы люди, делаете.

– Прекрати, – шепнул Амин, останавливаясь.

– Что?

– Ты выглядишь, как ребенок, а рассуждаешь, как столетний старец. Измени тогда облик. Это... пугает.

Валид улыбнулся.

– Не могу. Я сейчас человек.

«Не хочу», – услышал Амин и, покачав головой, направился к проходу. Коридор вывел в громадный зал, откуда звездой рассыпались еще пять коридорчиков. Юноша наугад шагнул к левому. Мальчик послушно семенил за ним.

– Амин, – позвал он некоторое время спустя. – Я все хотел спросить...

– Обычно ты спрашиваешь сразу, – вздохнул юноша. – Что?

– Ты предложил мне дружбу, потому что боялся, что я тебе не помогу? Захотел больше, чем те жемчужины, которые я тебе отдал?

Амин резко остановился. Уставился на мальчика.

– Ты... как тебе это в голову пришло?!

Валид молча смотрел в ответ. Свет факела отражался в темных глазах, и снова тень мальчика удлинилась, расправляя руки-крылья...

– Нет, – бросил Амин, отворачиваясь и быстро шагая прочь.

– Нет? – ахнул мальчик, бросившись за ним. – А зачем? Амин? Зачем?

– Потому что тогда ты мне казался забавным, – ответил после паузы юноша. – Потому что я думал, тебе может понадобиться помощь. Потому что ты маленький, и одинокий, и хрупкий... Впрочем, я вижу, что ошибался.

Валид замер, открыв рот от удивления. И, когда огонь факела исчез за поворотом, бросился догонять со всех ног.

– Амин! Амин, погоди! Ой, я такой одинокий, Амин! Ой...

Юноша молча смотрел вниз, себе под ноги. Свет факела дрожал, тени трепетали, бегали по стенам коридора... и сквозь решетку – в маленькую комнатку внизу. Очерчивали человеческий скелет, матово блестели на черепе, заставляя его мрачно ухмыляться, сверкали на серебряной цепочке...

Амин поднял факел. Из мрака высветилось еще с десятков решеток на полу и по бокам коридора.

– Эм-м... пойдём лучше амфитеатр посмотрим, – преувеличенно бодро предложил мальчик, хватая юношу за рукав.

Амин дернул рукой.

– Что это?

– Ну... э-э-э... – замылся мальчик. – Это... ну... как бы... жертвы?

Факел дрогнул у Амина в руке. Юноша быстро оглянулся.

– Ты говорил, здесь не причиняют вреда гостям.

– Гостям – да, – отозвался Валид. – Амин, не переживай, мы в полной безопасности, клянусь Ибли... э-э-э... Ваддом. Пойдем наверх.

Амин шагнул вперед. Поднял факел повыше. Слева от него полуистлевший труп девочки, чем-то напомнившей Гувейду, тянулся сквозь каменные прутья – как казалось, к огню.

– Тут... тут надпись, – дрожащим голосом проговорил юноша, наклоняясь к одной из комнат-клеток. – Что...

– Да идем же! – взвизгнул-скрипнул мальчишка, дергая юношу за руку, так что тот выронил факел.

– Валид!

– Я сказал: идем! – скрипнул мальчик, поднимая факел. Эхо отразилось от стен, понеслось-понеслось. Пол мелко вздрогнул, и Амин уже сам, подхватив мальчишку, бросился к выходу.

* * *

– Они были там... везде? В каждой ячейке? – Голос юноши дрожал – хотя они давно уже выбрались наружу.

Валид покачал головой.

– Нет. Амин... лучше не говори никому, что мы видели.

Юноша медленно выдохнул и, схватив начавшего было спускаться в долину мальчика за шиворот, прижал к каменной стене.

– Что это было?

Валид смотрел на него с веселым изумлением.

– Отвечай!

– Уже больше похоже на сына эмира, – фыркнул мальчик.

Амин отшатнулся.

– Не говори, – повторил Валид. И вприпрыжку заскакал по ступенькам вниз.

Солнце село, вместо сестры на небо выезжал Вадд, подгоняя лунных быков серебряным кнутом. Долина казалась мертвой. Нигде не звучали барабаны, не звенели украшениями тан-

цоры – ни звука. Амин вздрогнул, не понимая, что его испугало, и вслед за мальчиком вошел в шатер Бакра.

Бедуин готовил кофе. Методично, очень увлеченно... мертво.

Амин задержал дыхание. Огляделся. И тихо спросил зачем-то:

– А где Гувейда?

Чашечка дрогнула в руке кочевника.

– Кто? – голос Бакра звучал также... мертво.

Амин уставился на него, отстраненно думая, не разыгрывает ли его смешливый хозяин.

– Как же! Твоя сес...

Подскочивший Валид со всей силы толкнул его в бок. И тут же зачистил:

– Ой, кофе как пахнет, вкусно, наверное, да, а шакр уже кончился?

Бакр, не поднимая головы и не опуская чашечку, потянулся куда-то вглубь шатра, наверное, за шакром или еще за чем.

Кофе, всплеснув, обжег руку, потек на пол, но бедуин даже не дрогнул, не заметил.

Валид снова, уже слабее, ткнул локтем Амина, разглядывающего пятна на темной ткани.

И потянулся к кофейнику.

* * *

– Что случилось?

Валид, скрестив ноги, сидел на песке, разглядывая звездное небо.

Амин сжал кулаки.

– Ты знаешь. Что. Случилось. Говори!

Мальчик повернулся. Наклонил голову, изучая Амина из-под упавшей вихрастой челки.

– Зачем?

Юноша отрывисто вздохнул. И медленно произнес:

– У нашего хозяина-кочевника была сестра. Он ее очень любил. Теперь он даже имя ее произнести не хочет. Тебе не кажется это странным?

– То есть тебе просто любопытно, – предположил Валид, отворачиваясь.

– Нет, я... – Амин замер. – Он спас нам жизнь. Если ему нужна помощь...

– Ты уже предлагал ему помощь. Только что, – отозвался мальчик. – Помнишь, что он ответил?

Амин уронил голову на грудь.

– Вот. Не лезь не в свое дело. Вот и не лезь.

Месяц-Вадд гнал колесницу по звездной дороге в тишине. Только ветер иногда завывал где-то далеко в каменных коридорах. Или в пещерах, где...

– Она сейчас там? – холодея от догадки, выдохнул Амин. – Гувейда сейчас там? В этом подземелье? В этой... темнице?

– Как догадался? – помолчав, поинтересовался мальчик, по-прежнему глядя на небо.

Амин в ужасе уставился на него. Вскочил.

– Ты не найдешь ее там, – равнодушно бросил мальчик. – А если и найдешь, то уже мертвой. Их опаивают наркотиком, который забирает силы – очень-очень быстро...

– Как ты можешь так говорить? – прошипел Амин, хватая мальчишку за грудки. – Как?! Ты играл с ней, ты плясал с ней, ты же видел, какая она... Как?!

– Живая, – грустно улыбнулся мальчик. – Как солнышко. Как лучик. Смешливая, радостная, веселая. Была.

Амин отшатнулся. И бросился к лестнице в пещеры.

– Ты не найдешь ее, – повторил Валид, качая головой. – И уж точно не спасешь.

И так и качая головой, уселся обратно на песок.

В вышине Вадд-месяц посмотрел на него в ответ.
И равнодушно подстегнул быков.

* * *

– Нагулялся? – хмыкнул мальчик, открывая один глаз, когда Амин в разодранной абае рухнул на песок рядом.

– Ты же знаешь, – выдохнул юноша. – Знаешь, где она. Почему ты мне не помог? Скажи хоть сейчас!

– Хочешь полюбоваться на тело? – отстраненно поинтересовался Валид, поднимаясь на локтях. – Чего ты вообще суетишься? Успокойся. Вон, – мальчик кивнул на выходящего из шатра Бакра. Бедуин, не обращая на гостей внимания, направился к возлежащему неподалеку верблюду. – Ее брат спокоен. А ты дергаешься.

Амин, ругаясь про себя, схватил мальчишку за воротник.

– Ты... бессердечное... животное! Нет! Ты хуже!

Валид равнодушно смотрел на него в ответ. И, когда юноша с усталым вздохом отпустил его и закрыл глаза руками, сказал:

– Поверь, Амин. Даже если бы ты ее нашел, никто – и в том числе ее родной брат – не сказал бы тебе спасибо. Может, и она бы не сказала. Для них это великая честь, между прочим. А ты попираешь традиции, вековые, заметь, традиции. Чего ради?

– Она же еще ребенок! – выдохнул юноша.

Валид пожал плечами.

– Тем богаче жертва. Тем сильнее дух.

– Какой еще дух?

– А зачем, ты думаешь, они все это делают? – усмехнулся мальчик. – Раз в десятилетие выбирается мальчик или девочка – жребий они вроде кидают... раньше точно кидали. Выбранного готовят, опаивают – и в подземелье. Он умирает и становится духом... ну, вроде джинна. Джинна-хранителя. Заклинания, которые ты видел внизу, заставляют его охранять место заточения.

– Поэтому в Иляфе нет гулей? И других джиннов, – прошептал Амин.

– Ну да. Здесь ловушки повсюду. Кому же захочется вечно тут торчать? – пожал плечами мальчик.

– И она... даже после смерти... там... в тех клетках? – не слушая, шептал Амин. – И мы там были вчера... и...

– Они слабые, все силы на защиту города уходят, – откликнулся мальчик. – Так что ты их и не увидишь.

Амин сжал пальцами виски.

– Эй, – засуетился мальчик. – Солнце поднимается, а ты даже без куфеи. Пойдем в шатер. Ну, давай же...

– Валид, – тихо позвал Амин.

– Ну?

– Она там в клетке.

Мальчик нахмурился.

– И что?

– В клетке, – повторил юноша. – Как... как птица.

Валид замер.

– Ты знаешь, как ей помочь, – встав перед мальчиком на колени, Амин заглянул в черные глаза – в их глубине пылал огонь, но сейчас юноша не обратил на него внимания. – Хотя бы – как ее отпустить. Ты же знаешь. Помоги.

Мальчик вздохнул. Уселся рядом. И тихо, наставительно произнес:

– Послушай меня. Послушай внимательно, Амин. Да, я знаю, как ей помочь. Но я не могу – только человек может спуститься... вниз. Туда, вниз, по-настоящему, Амин, понимаешь? К мертвым. К Вадду. Потому что она мертва. И только человек может забрать одну из теней Вадда и вернуться. Или не вернуться, это уж как повезет. Но даже в лучшем случае, даже если вернешься, девчонку тут же отправят обратно в камеру, а тебя забьют камнями. Или кнутом, не помню, что в этой части пустыни любят больше. За осквернение традиций.

– Ты сможешь увести девочку, – перебил Амин. – Я помню, говорили, что неподалеку отсюда будет проходить караван. Вы скроетесь там и уйдете отсюда навсегда.

– А ты останешься. В одной из тех клеток, – вскинул брови мальчик. – Потому что именно туда тебя эти пустынные и запихнут. Вместо нее. Ты умрешь, Амин, как ты не по...

Юноша схватил его за руку.

– Ты сможешь? Уведешь ее?

Мальчик подался вперед.

– Ты... ты, правда, хочешь, чтобы...

– Я хочу, чтобы ты помог мне ее спасти, – четко произнес Амин.

Валид отпрянул.

– Я же говорил – не произноси этих слов! – проскрипел он. – Но раз ты хочешь... Что ж, – на губах мальчика заиграла злая, жестокая улыбка, – будь по-твоему.

* * *

– Что это? – поморщился Амин, закрывая нос. Чашка с зеленоватой смесью в руках у Валида пахла на редкость отвратно.

Мальчик, не отвечая, отпихнул Амина с дороги и шагнул в темный зев прохода.

Юноша обернулся. Долина внизу, окутанная лунным светом, казалась на удивление мирной. Где-то мелькали огоньки, тянуло дымом и уютным запахом кофе вместе с острым, щеко-чущим нос ароматом какой-то пряности.

Амин прикусил губу.

– Надеюсь, ты понимаешь, что умрешь? – раздался рядом голос Валида. – Ты не сможешь выбраться. Просто не сможешь. И кто тогда женится на лунолицей царевне и станет султаном?

– Ты говорил, мне все равно им не быть, – отозвался Амин.

– Вот потому и не быть, – хмыкнул Валид. – Еще, правда, не поздно передумать. И измениться, – голос мальчика стал почти просящим. – Бакр нашел нам проводника до Мисбаха. Встретимся по дороге с караваном, как и хотели, доедем...

Амин снова посмотрел на долину. На небо, по которому гнал колесницу Вадд, в чье царство он, Амин, должен спуститься и уйти до того, как забрезжит рассвет. На черный провал арки.

Валид поймал его взгляд и радостно улыбнулся.

– Ну вот и правильно, пойдем отсюда, нечего...

Глубоко вдохнув, Амин шагнул в темноту.

– ... ну и дурень, – закончил Валид, всплеснув руками и чуть не разбив чашку.

– А факел зажечь тут нельзя? – донеслось из прохода. – Темно как на том свете.

– На том свете не темно, – отозвался мальчик, спокойно заходя под арку. – И ты в этом скоро убедишься. Нет, нельзя.

– Я ничего не вижу, – беспомощно пожаловался Амин, вытягивая вперед руки и нащаривая стену.

– Потому что не смотришь, – буркнул Валид, подходя и беря его за руку. – Смотреть можно не только глазами, к твоему сведению. Привыкай. Иди за мной. Медленно, тут приступка. Слушай эхо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.